

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Чудотворный крест
великой княгини
Елизаветы Федоровны
способен исцелить и
погубить...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Крест великой КНЯГИНИ

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Крест великой княгини

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Крест великой княгини / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

В собственном загородном доме убит крупный чиновник Юрий Маслов. И хотя мотива для убийства на первый взгляд не было ни у кого из его близких и коллег, следователь Игорь Русаков уверен, что смерть была тщательно спланирована. И возможно, следы этого преступления тянутся в далекое прошлое – в 1918 год, когда была зверски убита сестра последней императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, чья реликвия – чудотворный крест – теряется в событиях истории семьи Масловых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юлия Алейникова

Крест великой княгини

© Алейникова Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Я на тебя гляжу, любясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женица, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту.*

(Посвящение великой княгине Елизавете Федоровне от великого князя Константина Константиновича Романова)

Пролог

Золотистые летние сумерки окутали дремлющий в густой зелени садов захолустный уездный городишко Алапаевск. Дурманный запах трав стелился по лугам, низины обманчиво скрывались в призрачной туманной пелене. Вечерние росы клонили к земле тонкие гибкие травы.

Великая княгиня Елизавета Федоровна сидела возле окна Напольной Алапаевской школы, подперев рукой щеку, и смотрела в золотистую даль остановившимся взглядом. Ветер шевелил страницы лежащего перед ней Святого Писания. Она смотрела на расстилающиеся за окном поля, усеянные синими искрами васильков и желтыми огоньками лютиков, на окрасившиеся лилово-фиолетовыми красками небеса, но мысли ее витали далеко от широких сибирских просторов, от этого маленького убогого городка, куда привезли ее вместе с великими князьями Константиновичами, великим князем Сергеем Михайловичем и юным Владимиром Палеем.

Елизавета Федоровна вспоминала Москву. Марфо-Мариинскую обитель, сестер, госпиталь, службы в родном для нее храме Покрова Пресвятой Богородицы. Сколько было трудов, сколько счастливых часов провела она с сестрами, служа Богу, России! Сколь было сделано и сколько осталось несделанным... Живы ли они, ее сестры, жива ли обитель? Или разорили, разогнали, уничтожили? Бедная Россия, тяжел ее крест... Вздыхала княгиня, не замечая бегущих по щекам слезинок.

Ей было пятьдесят три, всего пятьдесят три года. Красота и силы еще не покинули ее, осанка была так же величава, как и в молодые годы, голос был чистым и юным. Родная сестра императрицы Александры Федоровны, урожденная Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская, которую в семье ласково называли Эллой, жена великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, столь не любимого своими согражданами, особенно после трагедии на Ходынском поле, произошедшей в дни торжеств по случаю коронации последнего российского императора.

Сергея Александровича всю жизнь обвиняли в высокомерии, надменности, равнодушии, а он был так добр, так сострадателен, так раним, ее Сергей, ее горячо любимый муж, трагически и неожиданно покинувший ее!

Картины того ужасного, страшного февральского дня тысяча девятьсот пятого года, когда она, словно в кошмарном сне, заледеневшая, потрясенная, сокрушенная горем, опустившись на красный от крови снег, своими руками собирала с мостовой разорванное в клочья тело мужа, вставали перед ее невидящим взором, заставляя сердце сжиматься и сочиться болью, такой же острой и жгучей, как и тринадцать лет назад.

Она простила убийцу и даже просила Государя о помиловании, но Иван Каляев все же был казнен. А ведь незадолго до гибели мужа Елизавета Федоровна и сама призывала Государя без всякой жалости бороться с террористами, не позволяя обществу превращать их в героев революции.

Да, смерть Сергея, ее горячо любимого мужа, ее наставника в вере, ее друга, ее ангела-хранителя, стала для нее тяжелейшим ударом, который перевернул всю жизнь, так счастливо начавшуюся здесь, в России, летом тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года их венчанием в Придворном соборе Зимнего дворца. Медовый месяц в имении Ильинском, тихая жизнь, полная благих забот о лазарете, устроенном ее мужем в имении, помощь благотворительным обществам. С каким жаром она взялась помогать супругу, этому глубоко верующему, добрейшему из людей! Несмотря на грязные, отвратительные сплетни, ходившие в обществе о ее муже, на обвинения его в содомитском грехе, они искренне любили друг друга и были абсолютно счастливы! Единственное, что печалило Сергея все годы их супружеской жизни, так это отсутствие детей. Но Бог и тут был милостив, послал им племянников Марию Павловну и

Дмитрия Павловича, чья мать умерла в родовой горячке, которых они растили и воспитывали с колыбели, как собственных детей.

Какое счастье, что Дмитрий сейчас за границей! Его сослали за участие в убийстве Распутина, и эта ссылка в Персию на театр военных действий, возможно, спасла его жизнь. А вот о судьбе Марии ей ничего не известно. Как она, бедняжка?

Уже месяц, как им запрещено вести переписку, выходить за пределы школы и маленького садика, который они с князьями разбили еще в мае на школьном дворе. Тогда, едва прибыв в Алапаевск, они еще не предполагали, какие испытания их ждут впереди. Дай-то Бог, чтобы остальные спаслись!

Елизавета Федоровна вздохнула, покачала головой, словно отгоняя образы минувшего, все эти волнения, радости и печали остались в иной ее жизни, которая безвозвратно окончилась. Нет больше мужа, нет обители, сестер, остались лишь молитва к Богу, поля за окном, лес вдалеке и не известность.

Елизавета Федоровна отвернулась от окна и оглядела комнату. Просторную, светлую, полупустую: две железные кровати, стол, пара стульев. Не совсем темница, но почти. Еще недавно им, пленникам, разрешали прогулки по городу, они могли свободно посещать храм, их прилично кормили. А потом, месяц назад, им сообщили о «побеге» великого князя Михаила Александровича. Ни Елизавета Федоровна, ни Сергей Михайлович этой истории не поверили. Однако же у пленников было конфисковано все их имущество – обувь, белье, платье, подушки, золотые вещи и деньги; оставили только носильное платье, обувь и две смены белья. Понять подобный бессмысленный акт было невозможно. Им также запретили прогулки по городу, посещение церкви, урезали паек. С тех пор они практически голодали. Но хуже всего было то, как изменилось отношение к ним охраны, грубость и откровенное хамство были просто возмутительны.

А сегодня днем прибыл в школу усатый чернявый тип в косоворотке, представился членом чрезвычайной комиссии Старцевым и сменил всю охрану, расставив вокруг школы своих людей.

– Для безопасности.

В доме какая-то суета, с обедом сегодня торопились. А после настоятельных расспросов Сергея Михайловича заявили, что их будут перевозить на «Синячиху», Верхне-Синячихинский завод в пятнадцати верстах от Алапаевска. Сергей Михайлович пробовал возражать, но его и слушать не стали.

Золотые краски за окном сменились алым пламенем заката, и стекла в распахнутых окнах, подхватив прощальный отсвет солнца, вспыхнули ответным огнем. Елизавета Федоровна перекрестилась, глядя на тревожное зарево. Она плохо спала этой ночью. С вечера ее мучила безотчетная тревога, а под утро приснились Аликс, Ники, дети, все в крови и с белыми, словно прозрачными лицами. Елизавета Федоровна проснулась испуганная и до утра молилась.

Ночь, тихая, душная, вливалась в комнату сквозь приоткрытые окна и тонкие занавески, поскрипывала за стеной кровать, беспокойно вздыхала во сне сестра Варвара. Елизавете Федоровне не спалось, беспричинная тревога и беспокойство снедали ее обычно ясное, спокойное существо. Элла с детства не была склонна к экзальтации и истерикам. Ее характер был прямым и выдержанным и даже весьма прагматичным, что вовсе не мешало ее горячей и глубокой вере в Бога, истинной, деятельной вере.

Елизавета Федоровна поднялась, подошла к окну, отчего-то чутко вслушиваясь в ночную тишину, наполнившую дом. И замерла, вытянувшись в струну. Шум проезжающей подводы, едва слышное постукивание копыт по плотной иссохшей земле, скрип колес. Нет, подвод, кажется, несколько. Голоса, тихие, но возбужденные. Остановились возле школы.

Елизавета Федоровна торопливо бессознательно перекрестилась.

Добрые дела по ночам не делаются. Хлопнули двери, в коридоре раздались шаги, потом громкий стук в дверь.

– Подъем! – грубо крикнули из-за двери, и Елизавета Федоровна узнала голос начальника охраны.

– Что вам угодно? – Скорое появление на пороге собранной, спокойной княгини явилось для грубияна полной неожиданностью, он даже весь свой запал растерял.

– Собирайтесь, – ответил он почти спокойным голосом. – Принято решение для вашей безопасности перевезти членов царской фамилии на Верхне-Синячихинский завод.

– Почему же ночью? – растерянно переспросила Елизавета Федоровна.

– Постановление Совета и ЧК, – выступил вперед Старцев, даже не удосужившись снять фуражку при разговоре с дамой. Впрочем... Что фуражка? – вздохнула княгиня. – Собирайтесь. Говырин, свяжи женщинам руки за спиной, веревки вона возле двери!

– Руки? К чему это? Разве мы собираемся и можем бежать при такой охране? – строго спросила Елизавета Федоровна, но ее уже никто не слушал, чекист с помощником уже двинулись дальше по коридору поднимать князей. За ними с винтовками и мотком веревки в руках шли еще двое.

– Завязать всем глаза! – распорядился Старцев.

– Позвольте, к чему это, я дам вам честное слово... – Иоанн Константинович, еще не полностью одетый, торопливо застегивающий пуговицы на воротнике, пытался остановить это бессмысленное насилие.

Владимир Палей и младшие Константиновичи, Игорь и Константин, чуть напуганные, растерянные, толпились в дверях своей комнаты, пытаясь понять, что происходит. А Елизавету Федоровну с верной Варварой уже сажали на подводу, простую деревенскую колымагу, и, поместив рядом с ними троих конвойных, повезли прочь от школы. Впереди и позади двигались телеги с конвоем.

– А где же остальные, почему ничего не слышно? – тревожно вертела головой Варвара, прислушиваясь к окружавшей их ночной тишине.

– Сейчас выведут, собирают, – успокоил ее один из караульных.

Но вместо шума шагов во тьме раздался далекий, глухой выстрел. К счастью, единственный.

– Что это? – снова тревожно заерзала Варвара.

– Не знаю, – равнодушно ответил тот же голос. – Пальнул кто-то для остротки. – И снова равнодушно заскрипела подвода, а потом до них донеслись едва слышные голоса, и Елизавете Федоровне показалось, что великих князей все же погрузили и везут следом.

С самого утра у Ваньки Маслова было тревожно на сердце. А точнее, со вчерашнего вечера, когда из Екатеринбурга прикатил к ним товарищ Сафаров, член Уральского совета комиссаров, а потом собрали ребят из охранения и долго выдерживали в коридоре, пока не вышел из дверей кабинета Старцев и не скомандовал:

– Рябов, Степанов, Козлов, Маслов, зайдите. Остальные свободны.

Ванька Маслов со Степановым переглянулись, не робей, мол. В кабинет вошли скромно, не приучены были по кабинетам-то ходить.

За столом сидели члены совета во главе с председателем товарищем Абрамовым, усталым, заросшим щетиной, с ввалившимися от забот и бессонных ночей глазами, справа от него, чуть в стороне – товарищ Сафаров, крепкий, в очках и в кожанке. Мужики еще в коридоре шепнули Ваньке, что большое начальство из самого Екатеринбурга. А что удивляться? Дело не пустячное затевается.

– Вот, товарищи, те самые бойцы, о которых я говорил, – подталкивая их вперед, представил Старцев. – Все из рабочих, надежные ребята.

– Молодые слишком, – с сомнением проговорил Сафаров. – Большевики среди них есть?

– Нет. Но товарищи себя уже показали, я их знаю, – гнул свое Старцев, а Ванька, поглядывая на хмурые лица участников заседания, стал подумывать, не лучше ли сейчас на попятный пойти. Но его ни о чем спрашивать не стали, а после недолгих переглядок велели Старцеву проинструктировать бойцов, и их вытолкали из кабинета.

– В общем, так. Как князей из города вывезут, наши шум поднимут, мол, монархисты Романовых похитили! Наши товарищи уже сейчас по городу слух пустили, что белогвардейцы готовят побег князьям. Так глядите, держите язык за зубами, а то не посмотрим, что пролетарии, – яростно сверкнув глазами, припугнул Старцев. – Части Колчака все ближе к Екатеринбург подходят, нельзя допустить, чтобы царское семейство в руки беляков попало. Мы, рабочие, с таким трудом взяли власть в свои руки, нам новых царей не надо. Ясно?

Ванька с Митяем кивнули. Ясно, конечно, что ж тут неясного?

– В этой связи Советом рабочих и солдатских депутатов Урала и Чрезвычайной комиссией принято решение уничтожить членов царской семьи. Операция тайная. Знать о ней никто не должен. Если проговоритесь, тут же в расход. Ясно? – в двадцатый раз повторил Старцев, прожигая каждого по очереди своими глазами.

У Ваньки аж нехорошо под ложечкой засосало. Чего в это дело ввязался? Эх, что б ему сегодня больным сказать, сидел бы дома на печи и бед не знал. Не зря у мамани под утро печенка побаливала, она всегда беду чует. А ну как сегодня они царских родственников в расход, а завтра беляки их за енто самое туда же?

– Чего притихли? Сдрейфили? – уловив настроения, витавшие в рядах, рыкнул Старцев. – Вы мне это бросьте! Завтра утром заступите на дежурство. Почти весь караул я своими людьми из ЧК заменил, да еще пара человек из рабочего отряда подойдут, те, что понадежнее. И чтоб никаких мне там крендебобелей! – грозно зыркнув глазюками, велел Старцев. – А теперь марш по домам.

Домой Ванька шел словно через силу. Ох, головушка его несчастная! И зачем он только в это дело впутался? Говорил старший брательник Петруха, не ходи, Ванька, к совдепам, наплачешься. Сегодня погуляешь гоголем, а завтра другая власть придет, отвечать придется. Да больно Ваньке понравились паек, ружье с патронами и то, как на него соседи с опаской поглядывать стали. А все дружок его Митька Степанов, пойдем да пойдем. Он, дурак, и послушался. Вот Петруха у них хитрый, сидит на своем дровяном складе и в ус не дует.

Сбежать, что ли, чтоб завтра на службу не являться? Вон Старцев сам говорил, что беляки со всех сторон прут, да и в городе поговаривают, не продержатся большевики, сдадут город. И что ему тогда?

Ведь что самое скверное? Маманя. Княгиня Елизавета Федоровна, можно сказать, со смертного одра ее подняла, на ноги поставила. Еще когда только в город их привезли, княгиня тогда ходила и в лазарет, и в церкву. Бедным да хворым помогала. А у Ваньки тогда очень маманя болела. Доктора позвать Ванька не мог, денег нет, сам как лечить, не знал. А маманя слегла, ни приготовить, ни прибрать, в уборную и то не вставала. А Ваньке что? Ему на службу надо. Спасибо, соседка пожалела, ходила прибрать да сварить. А Ванька ей то харчей подкинет, то по хозяйству чего поделает. Петрухина-то жена Глафира ходить за маманей отказалась. Не поладили они с самого начала. Как Петруха женился, маманя Глафиру, можно сказать, из дома выставила с Петькой вместе. Больно у нее характер крут, чисто ведьма. Ее и соседи боятся, и Ванька с Петькой, и отец-покойничек побаивался, может, потому и помер раньше времени. В общем, тяжело приходилось. А тут княгиня эта давай по бедняцким дворам ходить, лечить, молитвы читать. Вот Ванька к ней и подкатил, когда в карауле стоял, зайдите, не побрезгуйте. Тогда им с князьями говорить не возбранялось, вот и попросил мамане помочь. Княгиня согласилась. В избу их пришла запросто! Маманя от такой чести даже прослезилась, первый раз за всю жизнь. И ведь выходили ее как-то, княгиня с монашенкой своей сестрой Варварой, то ли

молитвой, то ли порошками какими, а скорее и тем и другим. И вот теперь Ванька ее должен того... на казнь вести? Нет, не может он.

Всю ночь прорыдал. А утром все одно встал и пошел, куда велели. Весь день маялся, угрызался. Утром, когда из дома уходил, маманя его увидала, сразу вцепилась, чего это он смурной такой? Насилу отвязался. И на службе не легче. Кругом мужики из ЧК, с этими не балуй, так и сверлят глазами. Ванька с Митяем сторонкой держаться старались, ну их к лешему, связываться. По Митяю тоже видно, не рад, что в такой оборот попал. День еще как-то перетерпели, а уж к вечеру, как темнеть стало, и вовсе тревожно сделалось. Ванька от волнения даже думать начал – поскорей бы уж.

А как стемнело, подъехали подводы, штук десять, не меньше. Ну все, началось. Ванька с Митяем в темноте поближе к подводам переместились. А Старцев со своими людьми сразу в дом попер. Ну понятно, князей всех перебудили. Ванька боялся, что стрелять прямо в доме начнут, но нет, тихо так собрали и вывели, а чтобы беспокойства лишнего не было, сказали князьям, что для безопасности на Синячихинский завод их перевозят. Оно и правильно, чего людей зря пугать? Сперва из дому княгиню Елизавету Федоровну с келейницей ее Варварой вывели, тут-то Ваньку с Митяем и заприметили. Велели с княгиней на одну подводу садиться и стеречь, чтоб не убегли, пока остальных погрузят. А потом и вовсе трогать приказали, чтоб, значит, не всем вместе, чтобы шуму в городе лишнего не было. А когда от школы отъезжали, выстрел раздался, Ванька уж потом узнал, что это Сергея Михайловича ранили, он среди князей самый старший был и самый беспокойный. Остальные тихие, кроткие, что им ни сделай, все «благодарю» да «извините». А этот все жаловаться да ругаться норовил, особенно когда их окончательно под арест посадили, вещи отобрали и из комнат выходить по дому только вечером разрешили. Очень характерный субъект, одним словом.

Подводы сперва громыхали по городской мостовой, а затем выехали на проселок. Стало свежее, запахло соснами. А узников все везли и везли неведомо куда. Кажется, они ехали по лесу, на Елизавету Федоровну несколько раз сверху упали капли, слышалось тихое похрустывание хвои под колесами. Подвода катила мягко, чуть заметно покачиваясь на редких кочках. Вскоре их нагнала телега с великими князьями, и Елизавете Федоровне стало спокойнее, ни стонов, ни плача с других подвод не доносилось, значит, все живы, тот выстрел в школе и правда был случаен. Кто-то из караульных закурил, запахло крепким табаком, иногда раздавались тихие голоса, слышались короткие фразы. Вокруг было сонно и мирно, душистая смоляная свежесть леса наполняла грудь, кажется, их возница посапывал, не боясь, что лошадь свернет с лесной дороги. Елизавета Федоровна тихонько молилась, прося заступничества Святых, пока не задремала.

Разбудили ее голоса.

– Тпру, тпру, калевашая.

– Все с подвод!

– Туды вертай, куда прешься!

– Насонов, снимай пленников.

– Поглядывай там!

– Говырин где?

Елизавету Федоровну взяли за локоть и сдернули с подводы. Варвара, такая же беспомощная, со связанными руками и завязанными глазами, стояла рядом, стараясь коснуться княгини локтем.

– Ведите всех сюда, – крикнул кто-то из темноты.

Пленников согнали в кучу, и Елизавета Федоровна исхитрилась сдвинуть чуть-чуть повязку.

– Сергей Михайлович, что с вами? Что с рукой? – встревоженно спросила она едва слышным шепотом, разглядев замотанную белой тканью руку великого князя.

– Он не хотел ехать. Сергей считает, что нас убьют, – тихо ответил ей Иоанн Константинович. После Сергея Михайловича он был самым старшим, ему уже исполнилось тридцать два. Другие князья – совсем мальчишки. Володе всего двадцать один, Игорю двадцать четыре, Константину двадцать семь.

Неужто и правда всех убьют?

Подошел кто-то из охраны, сдернул со всех повязки.

Вокруг не было видно никаких строений, только лес, высокие тонкие стволы, уходящие в темноту.

– Это же лес. Это не завод! – воскликнул кто-то из Константиновичей.

– Куда нас привезли?

– Рябов, заткни этих царских выродков! – рявкнул из темноты начальник.

– Довольно они нашей кровушки попили!

– Поддай им, ребята, как следует, чтоб не вякали. – Все это звучало дико, страшно посреди мирной тишины леса, посреди душистой ночной благодати, наполненной запахом жизни и звездным светом.

Послышался звук удара, потом еще.

– Что вы делаете?

– Остановитесь!

– Господи, что вы делаете?

Мужчины, получая удары, кто кулаком, кто прикладом, пытались прикрыть собой женщин.

Это было невысказано, непонятно, дико и оттого еще более страшно. Люди, которых они видели при свете дня, с которыми здоровались, которые казались разумными, цивилизованными, вдруг по чьей-то злой воле превратились в кровожадных чудовищ! Словно охваченные бешенством или всеобщим помешательством, они вдруг кинулись на безоружных связанных пленников и с какой-то необъяснимой, остервенелой злобной яростью принялись избивать их, осыпая градом сильных беспорядочных ударов. Кто бил прикладом, кто кулаками, били все сразу, толкаясь, отпихивая друг друга. Били по голове, по рукам, по телу, с глухой, животной кровожадной ненавистью. Пленники только прикрывали головы, уклоняясь от ударов, и только Сергей Михайлович, несмотря на раненую руку, попытался ударить кого-то из нападавших.

– Пожалуйста! Ради Бога! Остановитесь! Ой, мамочки! – плакала, умоляя, Варвара. – Да что же это? За что? Господи!

Ударами и пинками их загнали за прохудившуюся ограду, ничего толком было не разглядеть, ругань, крики, топот, шум ударов, все смешалось в страшную круговерть, и не будет, казалось, этому конца.

Но конец все же был.

– К яме, к яме толкай!

– Вона шахта! Сюда тащи, хватит уже валандаться. Рассвет скоро!

– Давай их сюда!

Шахта. Вот оно, значит, как. Мысли в голове Елизаветы Федоровны стали на удивление ясными, спокойными. Вот он, мученический конец, близко уже. Господи, укрепи!

Их толкали, как скот, князья, спотыкаясь, едва переставляли ноги. Избитые, все в крови, кого-то почти несли, кажется, Игоря Константиновича.

– Не смейте! Не имеете права! – Сергей Михайлович вырвался из толпы узников и с криком бросился на Старцева. Раздался короткий выстрел. Сергей Михайлович взмахнул руками на самом краю ямы, неловко подвернулись ноги, и он стал падать, кто-то из караульных выскочил и сильно пихнул его в спину.

– Сергей!

– Дядя! – Но тело уже скрылось в темном зеве заброшенной шахты.

– Остальных давай! Сперва баб! – распорядился начальственным окриком Старцев.

И Елизавета Федоровна шагнула вперед, сама.

– Господи, прости им, ибо не ведают, что творят! – воскликнула она, вставая на край ямы, ожидая выстрела, но вместо этого почувствовала сильный толчок в спину и словно во сне полетела вниз, едва сдерживая рвущийся из груди наружу крик ужаса.

– Следующий!

Ванька, прячась возле телег, слышал крики, стоны, слова молитвы и сам принялся молиться, как только слова вспомнил?

Следом за женщинами столкнули князей. Живьем! Вот ироды! И как только греха не боятся, бормотал себе под нос Ванька, сжимая в руке крест. Крест был большой, тяжелый, весь из золота с серебряными вставками и белыми камешками, брильянтами, должно быть? Ванька в таких делах не понимал, но раз царицына сестра, так уж, наверное, бриллианты, будет она что другое носить. Крест этот Ванька у великой княгини давно заметил, еще когда она к мамане приходила. Потому как она его во время молитвы или перед собой ставила, или в руках сжимала, а когда у князьев добро отбирали, она умоляла товарища Старцева оставить ей крест, потому как подарок покойного мужа. Все, мол, забирайте, только крест оставьте, он его на святой земле от какого-то настоятеля получил, а в кресте том частица мощей святого Сергия Радонежского. Старцев плюнул, оставил, пусть, мол, подавится, а забрать мы всегда успеем. Ванька при том случае тоже был, у Старцева за спиной стоял, и еще думал, что вот почему мамане от княгининой молитвы так быстро полегчало. От святых мощей! Большая в них сила, всякому известно. Потому и сорвал с княгини крест, когда мужики князей избивать бросились. Протолкался поближе, руку протиснул и сорвал.

Сам-то он такого зверства не одобрил, безоружных да связанных бить, да разве ж их остановишь? А княгине все одно конец, а крест ведь какая ценность, жалко, ежели пропадет! Он об этом кресте, можно сказать, всю дорогу думал, пока к шахте ехали, все переживал, что пропадет или, может, Старцев с князей последнее снимет, да тогда все равно что пропадет. А тут такой случай. Вот Ванька в темноте да суматохе и исхитрился.

– Рябов, Постников, посветите вниз, чего там? – раздался окрик Старцева.

Вокруг ямы бестолково суетились люди. Ванька опомнился, торопливо оторвал от рубахи тряпицу, завернул поскорее крест и засунул за пазуху, потихоньку вылез из-за телеги и, подойдя поближе к яме, смешался с остальными. Из старого бревенчатого горла шахты раздавались стоны, плач и молитвенное пение.

– Господи, спаси люди твоя...

Ванька хотел перекреститься, да вовремя опомнился, руку отдернул.

– Кто-нибудь, огня дайте, не видно ни хрена!

– Ты смотри, живые!

– Чего делать-то теперь?

– Ох, грехи наши тяжкие. Чего не стрельнули-то? Патронов, что ль, пожалели, чего теперь делать?

Неслись со всех сторон голоса. От громких криков до тихих шепотков.

– Перестили там, вот и не подошли! Зацепились за доски, – склоняясь над самой ямой, светил в нее подоженной веткой Старцев со своими чекистами. – Не могли заранее проверить, мать вашу за ногу! – злился он, крутясь на месте.

– Что делать-то теперь?

– Может, из револьвера попробовать? Или по веревке кого вниз спустить?

– Товарищ Старцев, как быть-то, а?

– Да чтоб вас! Кто место выбирал? Мать вашу! – отбрасывая ветку в сторону, заругался еще злее Старцев, хватаясь за револьвер.

Ванька, уцепив вертевшегося рядом Митяя, поспешил снова к подводам, пальнет еще.

– Гранаты давайте! Забросаем их, чтобы с концами! А потом землей засыплем, – бегая возле ямы, распорядился Петр Старцев. – Лопаты у кого есть?

– Боже милосердный, останови чад Твоих, вразуми их, – раздался из ямы едва слышный плач. – Спаси души их!

– Да заткнулись бы, что ли! – зло сплюнул кто-то из чекистов.

– Чего с лопатами, есть или нет? – орал Старцев, стараясь перекрыть доносившиеся из ямы стоны и молитвы. – Рябов, живо за инструментом, добудь, только без шума, и живо, одна нога там, другая здесь!

– Есть! – бросаясь к телегам, крикнул Рябов. – А вы тут чего? А ну, к шахте, там помощь нужна!

Ванька с Митяем неохотно обратно потянулись.

– Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство, – раздался из шахты нестройный хор тихих, пронзительных, щемящих сердце голосов.

– Покойнички распевают, мать их, – грубовато заметил кто-то.

Чьи-то тени заслонили горловину ямы, а затем посыпались на голову несчастных гранаты.

Грохотало так, что у Ваньки уши позакладывало. Что-то там с бедными князьями в яме творится, за что же так-то? Неужто не расстрелять было? – стонал в душе Ванька, вспоминая мальчишек князей, царских племянников, почитай, его ровесников. Это ж не приведи Господи такую смерть принять!

Чекисты со Старцевым метнули еще парочку гранат и, дождавшись, пока осядет пыль, земля и щепки, стали прислушиваться возле ямы.

Да чего там слушать? Кто ж такое переживет! Ироды бесчеловечные.

Вокруг поляны стояла плотная, оглушающая тишина, словно ничего живого в мире не осталось. Даже ветра не стало.

Постепенно звуки стали возвращаться. Шелест листвы, шорох ветра, вскрик птицы, ветка хрустнула под чьим-то сапогом.

– Товарищ Старцев, вроде стонет кто-то, – раздался сбоку чей-то испуганный голос. – Точно стонут! Чего делать-то?

Народ вокруг Ваньки зашевелился, заворчал, загудел испуганно, суеверно, недовольно.

– Мать вашу! – рявкнул Старцев, перекрывая нарастающий бунт. – Бросьте еще гранат, у кого осталось, и заваливайте бревнами. Все одно сдохнут. Да землей присыпьте.

Чекисты засуетились, остальные мужики, что из рабочих да из местного отряда, сбились в кучу и мрачно, неодобрительно провожали их взглядами. Закурили.

– Сергей Васильевич, у меня в кабинете бомбы есть три штуки, может, послать кого?

– Куда послать, Середкин? Скоро рассвет! – взглянув на светлеющий край неба, снова заорал Старцев. – Кончайте уже так! Да живее, леший вас возьми! – подгонял он своих, потрясая для острастки наганом.

В яме еле слышно стонали. И не разобрать было, то ли женские голоса, то ли мужские...

Потащили из сложенной неподалеку кучи бревна, выдернули жерди из забора, что вокруг шахты стоял.

– Ох, что творят, что творят! – ужасался дрожавший, как осиновый лист, Митяй.

Снова раздался грохот, слышно было, как с грохотом повалились в шахту бревна. Но они застревали в шурфе, накрывая недобитых князей навесом.

– Да чтоб вас, лешие! Бревна и то скинуть не можете! – все больше ярился Старцев, а Ванька с Митяем все плотнее жались к подводам.

Одно из бревен все же свалилось вниз, задев кого-то, раздался мученический вскрик, и все затихло.

– Все, засыпай яму! Хватит рассусоливать, куда, сволочи, расползлись, взяли лопаты! Перестреляю всех на хрен! – хрипло орал Старцев, паля в воздух.

«Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даря, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

Глава 1

7 июня 2018 года. Санкт-Петербург

– Пошли, пошли! – обняв Алису за упругий горячий живот, толкал ее перед собой Илья, не забывая целовать в шейку.

– А ты уверен, что твоих дома нет? – подхихкивала и вертелась Алиса.

– Уверен, – бормотал ей в ушко Илья, обжигая горячим дыханием.

– Неудобно как-то, а вдруг они заявятся? – не хотела расслабиться Алиса.

– Слушай, ну что ты заладила? Вернутся, не вернутся... Во-первых, я тоже здесь живу. Во-вторых, я уже большой мальчик и имею право приводить к себе гостей. И даже девушек.

– А, вот как? – тут же надулась Алиса. – И как часто ты их сюда возишь? Может, у тебя тут вообще проходной двор? – Она высвободилась из его объятий и решительно прошла к окну.

– Слушай, Алис, ну не начинай. Мы собирались классно провести время к обоюдному удовольствию. Я не мальчик, ты не девочка, кончай выпендриваться и иди ко мне. – И Илья распахнул объятия.

Не увидев в девушке отклика, он подавил вздох и с отвращением, понимая всю фальшивость подобных заявлений, завел старую, обожаемую всеми без исключения девицами песню.

– Алис, ну что ты дуешься? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, и, разумеется, я не вожу кого попало к себе домой. Если хочешь знать, ты вообще первая, кого я сюда привез. Ну, иди ко мне. М-м? Я не могу видеть тебя такой расстроенной.

Алиса, чуть помедлив для порядку, подошла к нему и, сооротив подходящую случаю физиономию, позволила снова себя обнять.

– Ну вот и умница, – улыбнулся Илья. – Сейчас мы с тобой прихватим бутылочку вина и отправимся обследовать верхний этаж. – Его голос снова стал мурлыкающим, обволакивающим.

Илья был бабником, самым тривиальным бабником. Его мать Инна Анатольевна иногда в сердцах сокрушалась: как так вышло, что она воспитала кобеля?

Да, мама иногда не стеснялась емких, грубоватых выражений. Отец Илью в душе одобрял, а может, даже слегка завидовал, сам-то он уже давно свое отгулял. Инна Анатольевна была его третьей женой, и разница в возрасте у родителей была приличной, тут уж скорее от мамы можно было фортеля ожидать.

А Илья просто любил женщин. Блондинок, брюнеток, рыжих, веселых и серьезных, деловых и легкомысленных, полненьких, худеньких, тощеньких, но обязательно хорошеньких и следящих за собой. Тут Илья был строг.

Алиса была крашеной брюнеткой, с упругой попкой, плоским животом и аппетитной грудью. Ее он подцепил вчера в фитнесе прямо на тренажере.

– Илья, а что это за запах? – морща носик, капризно поинтересовалась Алиса, поднимаясь по лестнице.

– Запах? Не знаю, я не чувствую. Может, отец тарелку с едой в спальне оставил? – втягивая носом воздух, предположил Илья. – Неважно, сейчас мы окно откроем, а если хочешь, вообще можем на террасе устроиться, у нас забор высокий... – И он снова потянулся губами к ее шее и дальше, к уху.

– По-моему, у вас тут кошка сдохла, – не желала переключаться на правильный лад Алиса.

Но на этот раз запах почувствовал и Илья. Сладковатый гнилостный запах.

– Блин. Может, правда соседская залезла? Вроде из родительской спальни тянет. На бутылку, иди в мою комнату, а я посмотрю, что там такое, – сунув Алисе в руки бутылку и бокалы, распорядился Илья.

– Блин! Батя!

На широкой застланной кровати, раскинув руки и глядя в потолок неподвижными глазами, лежал отец, по его груди растеклось бурое пятно, запах распространялся именно отсюда.

– А-а-а! – вопила позади Алиса, прижав к лицу кулачки. Осколки бокалов посверкивали возле ее ног.

Подходить к отцу было бессмысленно, да честно говоря, и духу не хватило. Илья попятился и закрыл за собой дверь спальни.

– Валерий Иванович? Добрый день, Илья Маслов.

– О, Ильюш, добрый день. Как жизнь? – Голос отцовского зама звучал весело, добродушно, наверное, не догадывается.

– Хреново, – прямо, без экивоков сообщил Илья. – Отца убили.

– Что? Прости, что ты сказал?

– Отца, говорю, убили. Ножом в сердце. Я только что на дачу приехал, а он тут в спальне лежит, и запах уже. Что делать?

– Погоди, погоди. Юру убили? Ножом? Что за ерунда, я с ним вчера утром разговаривал, у него вечером какая-то встреча была... Я сам с утра в Новую Ладугу ездил...

– Валерий Иванович, отец мертв, убит. Мы сейчас на даче в Комарово. Приезжайте, чем быстрее, тем лучше, и надо, наверное, полицию вызвать, только не местных лохов. А лучше из города.

– Да, да, конечно. Извини, просто в голове не укладывается. Я сейчас свяжусь с нужными людьми и сам подъеду. А мать уже знает?

– Нет. Она в Милан летала на неделю, сегодня должна вернуться, прилетит, и сообщу.

– Да, правильно, лучше по прибытии, – одобрил Валерий Иванович.

– Ну что, тут все ясно как божий день. Убийца вошел в спальню, подошел к хозяину дома, ударил ножом, тот упал, убийца ушел. Все, – оглядывая комнату скучающим взглядом, заключил капитан Русаков.

– В смысле – все? А как же обстоятельства? Ну как убийца проник в дом, и вообще, – взглянул на начальство с недоумением лейтенант Жуков, молодой, энергичный выпускник школы полиции, обладавший удивительно наивными для его возраста и места службы взглядами на жизнь.

– А на то у меня вы есть и криминалисты. Вот топай, Жуков, и выясняй, как убийца проник на территорию. Хотя, по мне, так все ясно. Забор высоченный. Сигнализация. Ворота. Стальная дверь в доме. Ни следов взлома, ничего такого, значит, вывод какой?

– Хозяин сам пустил в дом убийцу? – предположил лейтенант.

– Именно. Но ты все же иди и вместе с экспертами все тщательно обследуй, а я пойду с родными и коллегами покойного пообщаюсь, – поправляя элегантный галстук, сообщил капитан.

Капитан полиции Игорь Михайлович Русаков был молод, любим начальством, имел хорошие связи и влиятельных родителей. Службу в органах правопорядка он считал выгодной и перспективной. Поручали ему дела громкие, но не сложные, он частенько работал с влиятельными и состоятельными потерпевшими, потому что легко находил с ними общий язык, умел не допустить ненужной шумихи в прессе и даже в случае нераскрытия дела угомонить избалованную публику и не доводить дела до скандала. Его сыщицкие способности, возможно, и не были выдающимися, но хороших сыскарей у начальства было много, а такой вот «светский лев» один.

– Добрый день, господа, – входя в гостиную и оглядывая просторную комнату, поздоровался капитан. – Капитан Русаков, следственный отдел Петербурга.

– Кобздев Валерий Иванович, заместитель покойного. Это я звонил вашему руководству, – протягивая руку, представился лысоватый крепыш в дорогом костюме.

– Илья Маслов, – представился парень лет двадцати пяти, загорелый, прокачанный, в модных спортивных штанах и кроссовках. Впечатление было такое, словно он только что вышел из фитнеса. – А это моя знакомая Алиса, мы вместе приехали на дачу. Мы недавно познакомились, здесь она впервые.

– Ясно. В таком случае девушка может побеседовать на кухне с нашим сотрудником и быть свободна, – предложил капитан.

– Да? А как я до города доберусь? – складывая на груди руки, поинтересовалась грудастая Алиса, выпячивая недовольно нижнюю губу.

– Я тебе такси вызову, не волнуйся, – успокоил девицу Илья.

– Ну вот и славно, а пока вам все равно придется пройти на кухню и дать показания. Это по коридору направо, – любезно объяснил капитан.

Алиса пружинисто поднялась с дивана и покинула комнату, всем видом демонстрируя, насколько она недовольна.

– Илья Юрьевич, давайте еще раз проговорим, как все было, – устраиваясь напротив Маслова-младшего, предложил Игорь Михайлович.

– Мы с Алисой приехали на дачу, мать сейчас в Италии, отец должен был быть на работе. А мы хотели просто провести время, – неопределенно взмахнул рукой Илья.

– Понимаю.

– Ну вот. Стали подниматься вверх, Алиса спросила про странный запах, я думал, что отец ужинал в комнате и не убрал за собой. Мы сейчас постоянно живем на даче, в квартире заканчивается ремонт.

– Извините, что перебиваю, то есть и вы, и ваши родители сейчас проживаете в этом доме? – уточнил капитан, небрежно закидывая ногу на ногу и мимоходом любясь на свои новые итальянские ботинки.

– Ну да.

– Значит, эту ночь вы провели дома?

– Нет. Сегодня я не ночевал.

– А где же вы ночевали?

– У одной знакомой, – пожал плечами Илья Юрьевич.

– У Алисы?

– Нет, у другой, – слегка краснея, возразил Илья. Впервые в жизни ему вдруг показался не совсем приличным тот факт, что ночь он провел с одной женщиной, а утром привез к себе другую. Может, потому, что впервые он был озвучен, да еще и в присутствии посторонних. Отчего-то на ум пришло мамино любимое словечко «кобель».

– Вам придется сообщить нам имя и фамилию вашей знакомой, – произнес капитан, разглядывая сидящего перед ним загорелого, прокачанного мачо. Веселую жизнь ведет мальчик. Можно позавидовать.

– Разумеется, – поспешил согласиться Илья, желая поскорее свернуть ставшую неприятной тему.

– Итак. Ваш отец провел вчерашний вечер в одиночестве, ни вас, ни супруги Юрия Кирилловича дома не было? – подвел итог капитан. – А прислуга в этом доме есть?

– Да, приходящая. И еще Василий Васильевич, сторож. Он постоянно проживает в своем домике. Ну да вы его уже видели. А еще у нас есть горничная Алина, кухарка, точнее повар, Ольга Львовна, но она готовит только обед и ужин, – пояснил Илья. – На завтрак мы обычно

пьем кофе. Так его, кофе, машина готовит, и тосты, йогурты, мюсли. В крайнем случае мать сама к плите встает. Но пока матери нет, горничная приходит через день, и Ольга Львовна тоже.

– Ясно. Когда должна была прийти прислуга, вчера или сегодня?

– Она была вчера днем. Когда я встал, Алина уже заканчивала уборку. Но у нее еще какие-то дела были, так что ушла она без меня, во сколько, не знаю.

– У горничной и кухарки есть свои ключи от дома?

– Нет. Ключей у них нет. Мама решила, что так будет лучше. Василий Васильевич всегда на месте, он всех впускает.

– Все ясно. Вы можете сообщить нам координаты вашей прислуги?

– Нет, но у мамы есть их телефоны и прочие данные.

– Очень хорошо. Илья Юрьевич, у вас есть предположения, кто мог убить вашего отца?

– Никаких.

– Последний вопрос: где и кем вы работаете, и ваше алиби на вчерашний вечер. Все это вы можете изложить в письменном виде и отдать нашему сотруднику, он сейчас на кухне, беседует с вашей подругой, – с любезной улыбкой предложил капитан.

– Валерий Иванович, теперь с вами, – поворачиваясь к заскучившему заму покойного, проговорил капитан. – Где вы были вчера вечером?

– Я? Ну до восьми на работе, потом на торжественном приеме. В десять оттуда уехал, остаток вечера провел дома с женой.

– Очень хорошо. Насколько я понимаю, вы поддерживали со своим ныне покойным шефом весьма близкие отношения?

– Совершенно верно. Мы дружили семьями, – охотно пояснил Кобздев.

– Прекрасно. Тогда на правах старого друга вы не знали, были ли у покойного в последнее время неприятности, личные, служебные, любые? Вплоть до ссоры с соседями по даче, – вновь легко улыбнувшись собеседнику, спросил капитан.

– Неприятности? Да нет, вроде не было. На работе точно все в порядке, все-таки мы госслужащие, а не бизнес-структура, в нашей жизни все достаточно ровно, – скупо улыбнувшись, пояснил Кобздев. – В личной жизни тоже все было тихо. Несколько месяцев назад Юрий Кириллович продал старую квартиру и приобрел апартаменты в новом жилом комплексе на Крестовском острове. Инна Анатольевна с увлечением занялась отделкой новой квартиры. Насколько я знаю, сейчас она летала на выставку в Милан, чтобы приобрести какие-то детали интерьера. У Ильи, насколько я знаю, тоже все благополучно. У него свой весьма успешный бизнес, семьи пока нет.

– Это я заметил, – не удержался от неуместной улыбки Игорь Михайлович, но тут же одернул себя и придал лицу прежнее нейтральное выражение. – Значит, предположений, кто мог убить Юрия Кирилловича Маслова, у вас нет?

– Никаких.

– Ну что ж, – выслушав доклад капитана Русакова, задумчиво проговорил начальник отдела полковник Таманцев. – Очевидных подозреваемых нет. Маслов был заметной фигурой в Смольном. Значит, не исключена утечка в СМИ. Следовательно, будут давить. Майор Киселев, придется заняться вам, – поворачиваясь к сидящему в сторонке с кислой миной сотруднику, заключил полковник.

– Виктор Романович! Как же так? – отбросив привычный ровный тон, воскликнул капитан Русаков. – Я начал это дело, уже в материале, к чему привлекать сюда майора Киселева? Мы с ребятами вполне в состоянии самостоятельно справиться.

– Гм. Ты, Игорь Михайлович, не обижайся. – В минуту особой «задушевности» полковник, словно невзначай, переходил с подчиненными на «ты». – Ты человек у нас опытный, ува-

жаемый, но дело уж больно щекотливое, а майор все же на убийствах больше поднаторел. Да и потом, зачем тебе лишние неприятности?

При этих словах на лице майора Киселева появилась презрительная, кривая усмешка.

– И все же я считаю, что в состоянии справиться с этим делом. И прошу оставить его у меня в работе, – не повелся на уговоры полковника Игорь Михайлович.

– Ну что ж, – задумчиво протянул полковник, – хорошо, но предупреждаю, Игорь Михайлович, – уже жестче добавил он, – поблажек от меня не ждите. А если в течение недели не будет результатов, подключу Киселева. Все свободны.

На лице майора Киселева играла довольная улыбка. А вот капитан Русаков покидал кабинет начальства с весьма кислым видом. На победителя он был совсем не похож.

Зачем он влез в это дело? Гордыня выиграла? – ругал себя на чем стоит свет капитан. Жил себе спокойно, бед не знал, расследовал себе рядовые дела с разной степенью успешности. С неплохой, надо сказать, степенью. И нате вам, вдруг разобиделся, что Киселеву дело передают. А чего обижаться, если всем известно, что майор – лучший сыскарь в городе. На него всегда проблемные дела валят, а он тянет и не рыпается. Тоже мне, овечье смирение! – ворчал про себя Игорь Михайлович, идя к себе в кабинет. Да при чем здесь Киселев? Вот его, дурака, кто за язык тянул? А самое скверное, на попятный идти стыдно, и дело завалить нельзя, засмеют, и так его за глаза то метросексуалом называют, то мажором, а то просто гомосексом, что было уж совсем глупо и несправедливо. Потому что Игорь Михайлович был давно и счастливо женат, и жена у него, между прочим, красавица и умница. И, что обидно, все как один сотрудники отдела, кроме, может, полковника Таманцева, не могут понять, каким ветром занесло Русакова в следственный отдел вместо пресс-службы. Придется тянуть дело.

Глава 2

7 июня 2018 года. Санкт-Петербург

– Боже мой, какой ужас! Невозможно поверить. – Мама стояла на пороге спальни, с ужасом глядя на кровать. – Я теперь в жизни не смогу спать в этой комнате! Даже в этом доме!

Илья только что привез мать из аэропорта, и лишь войдя в дом, усадив ее в кресло в гостиной, приготовив пузырек корвалола, рассказал правду об отце.

Мать отреагировала странно.

– В нашей спальне? Его убили в нашей спальне? – Отчего-то именно этот факт особенно ее поразил.

– Невероятно, – закрывая дверь в комнату, проговорила мама. – Как мы теперь жить будем? И квартира эта огромная... Зачем она нам теперь?

– Мам, ты так рассуждаешь, как будто со смертью папы и наша жизнь рухнула, – укоризненно заметил Илья.

– А ты, дурачок, думаешь, что нет? – с жалостью взглянула на него мать. – Илья, без папы мы с тобой как две былинки у дороги. Любой может растоптать. Я уж не говорю о деньгах.

– Ну вот тут ты можешь не беспокоиться. У меня процветающая фирма, и я тебя ни за что не брошу, – великодушно пообещал Илья.

– Мальчик мой, – все тем же тоном проговорила мать, обращаясь к нему, как к маленькому, – твоя успешная фирма процветала исключительно благодаря отцу. И даже такой легкомысленный человек, как ты, должен это понимать. Вспомни свои последние заказы или наиболее прибыльные заказы. Начинаешь соображать? – выразительно посмотрела она на Илью. – Это были госзаказы! Понимаешь? А кто тебе их обеспечивал?

– Да мы просто умеем бизнес-предложение составить и смету подогнать, при чем здесь отец? – заупрямился Илья, которому стало вдруг как-то неуютно, если не сказать страшновато.

– Вижу по лицу, что стало доходить, – кивнула мать. – Да, мое великовозрастное дитяtko, теперь нам придется нелегко. Думаю, квартиру лучше продать, но ремонт все же придется закончить.

– А тебе не жаль, ты же столько в нее вложила? – с недоверием спросил Илья.

– Жаль. Конечно, жаль. Но мне уже сорок пять, я всю жизнь не работала и, признаться, не планирую начинать. Мне нужны деньги на жизнь. Квартира – это деньги. После продажи я куплю себе приличное жилье, а скорее всего, вообще уеду из Петербурга.

– Куда? – с ужасом спросил Илья.

– Да уж не в Мартышкино, конечно, – усмехнулась, глядя на него, мать. – Например, во Францию или в Испанию, там подешевле. Французскую виллу тоже можно будет продать или сдавать в аренду. Ты будешь меня навещать.

– Мам, ты это серьезно?

– Еще бы, – поднимаясь с кресла, проговорила Инна Анатольевна. – Мы с отцом последнее время часто обсуждали, что будем делать на пенсии. На его, разумеется, пенсии. Так что все в порядке. А теперь помоги мне перенести все вещи в угловую спальню, придется пожить там. А потом пойдем перекусим и подумаем о похоронах.

Вот так просто, прагматично и по-деловому. Даже слезы не проронила. Последнее Илью почему-то особенно задело.

За окном кабинета сгустились призрачные сумерки белой петербургской ночи, а Игорь Михайлович Русаков все сидел за столом, то принимаясь водить ручкой по бумаге, то вертяться в

кресле, то просто глядя в окно в бессмысленной надежде на озарение. Озарение не приходило. Да и откуда бы ему взяться?

Материала объективно было собрано мало, план разыскных действий составлен не был, а капитана Русакова охватил мыслительный паралич. И вместо того чтобы топтать домой, отдохнуть, выспаться и завтра с новыми силами взяться за дело, он трусливо отсиживался у себя в кабинете, словно надеясь оттянуть неизбежный миг. Миг расплаты.

Ладно, что ему по большому счету грозит в случае завала дела? Выговор, косые насмешливые взгляды коллег? Ну так они скоро успокоятся. А выговор вообще сомнителен. Скорее всего, премии лишат. Ну так это он переживет, подбадривал себя Игорь Михайлович. Все, хватит, пора домой, а то завтра и вправду работать.

Вот только стоит, пожалуй, порыться напоследок в светской хронике Петербурга, а еще, пожалуй, в фотоотчетах Смольного, а еще, споро щелкая клавиатурой, соображал повеселевший Игорь Михайлович, дать запрос в Яндекс, набрав имя, отчество, фамилию покойного, а еще порыться в социальных сетях, отыскать все, что можно, по Илье Маслову. Эта идея посетила отчаявшегося Игоря Михайловича случайно, как-то вдруг, словно ангел-хранитель, сжалившись над своим подопечным, подкинул ему долгожданное озарение.

Идея оказалась неплоха. Покойный Юрий Кириллович Маслов оказался личностью известной, социально активной. Подробно изучить весь нарытый материал Игорь Михайлович не успел, но все скопировал во вновь созданную папку. Поработает завтра.

Зато все, что касается Ильи Маслова, он изучил тут же, затратив на сына покойного не больше десяти минут. Золотой мальчик. Баловень судьбы. Своя строительная фирма, поднимавшаяся и процветающая за счет госзаказов. Дайвинг, горные лыжи, тачки, девочки, в общем, весь набор. Загорелую самодовольную физиономию Маслова-младшего Игорь Михайлович имел удовольствие видеть вживую.

Жена Инна Анатольевна. Светская львица. Ну а кто же еще? Не учительница же в средней школе? Так, благотворительность, вернисажи, премьеры, приемы, глянцевые фото в колонке светской хроники. А вот это интересно! Игорь Михайлович скопировал несколько фото и выстроил их в ряд. Все пять снимков сделаны в разное время, в разных местах. Объединяют их лишь две немаловажные детали. Рядом с Масловой нет супруга, зато на всех фото будто случайно рядом с ней присутствуют молодые люди приятной наружности. На первый план не лезут, но присутствуют!

Любовники? Вполне вероятно, учитывая разницу в возрасте супругов Масловых. Надо будет показать Ларисе, пусть посмотрит, может, узнает кого-нибудь. Жена Игоря Михайловича работала в печатном интернет-издании, вела колонку культурных новостей. Но в наше время грань между культурными новостями и светскими сплетнями столь тонка и размыта... Стоит ей показать, может, заодно еще что-то про Масловых вспомнит.

– Илья, ты не видел мой телефон? – Мама бродила по комнате, бессмысленно переключая с места на место вещи. – Надо Вене позвонить, чтобы срочно приехал. Похороны, поминки, мне понадобится помощь.

– Мам, при чем тут Веня? С похоронами могу помочь я, и с поминками тоже. Все-таки мой отец умер.

– Гм, ты сможешь... Ах, вот он, – опускаясь в кресло с мобильником в руках, скептически заметила Инна Анатольевна. – Похороны – это не оплата гроба и места на кладбище. Отец был видным человеком, похороны и поминки должны быть соответствующими, стильными, элегантными, для нас с тобой это последний шанс добиться чего-то от его коллег и приятелей.

– В каком смысле добиться? – нахмурился Илья. Мамины рассуждения ему не нравились.

– В таком, мой мальчик. В таком, – откладывая телефон, жестко ответила мама. – Ты уже думал, как жить дальше будешь? Нет? Напрасно. Конечно, стараниями отца твой офис нахо-

дится в собственности, причем расположен в очень хорошем месте. Если дела пойдут совсем плохо, продашь. Но что касается выгодных заказов... Вот об этом придется забыть. Последний шанс урвать что-то стоящее – поминки, советую его не упускать. Теперь, что касается наследства. Ты, наверное, рассчитываешь на половину? Напрасно. Мне полагается со всего наследства так называемая вдовья доля. То есть половина имущества. Вторая половина будет поделена между наследниками. А их, помимо тебя, еще трое. Машка, Кирилл и Игорь. Но тут я тебя могу успокоить, в последние годы отец все приобретения записывал на меня. Так что вам останется не так уж много. И надо сказать, что это в твоих интересах. Потому что у меня имеется единственное чадо – это ты. И рано или поздно, я надеюсь, что все же попозже, все состояние достанется тебе.

– Мама! Ты вообще можешь думать о чем-то, кроме денег? – не выдержал Илья. – Отец умер! Твой муж, между прочим!

– Еще напomini, что единственный, – усмехнулась одними уголками губ мать. – Вроде здоровый, взрослый мужик, а ведешь себя как младенец. Пора взрослеть, Илья. Отца твоего мне, конечно, жаль. Я его любила по-своему, столько лет вместе прожили, но пока еще я не в состоянии прочувствовать всю боль утраты. Это придет со временем, постепенно. Такой уж я человек. А фальшивых соплей и воя ты от меня не дождешься.

– Инночка? Ты дома? – раздался снизу мягкий, приятный голос.

– О! Венчик! Как кстати! – обрадовалась Инна Анатольевна. – Он поможет мне с выбором цветов. Гроба. А еще отцу надо приличный костюм выбрать, а главное – галстук, – бормотала себе под нос мать, выходя из комнаты.

Илья только головой покачал.

– Здравствуй, Ильюша, – просюсюкал привычно Венчик. – Прими мои соболезнования.

– Чего приперся? Надеешься, что и тебе кусочек наследства отвалится? – нелюбезно поинтересовался Илья.

– Представь, нет. Я рассчитываю в жизни только на собственные силы, – ласково улыбнулся в ответ Венчик, определенно намекая на Илью.

Сегодня на Венчике были неприлично зауженные клетчатые брюки «а-ля Буба Касторский» и женоподобный пиджачок персикового цвета, невыгодно подчеркивающий его округлое брюшко и узенькие плечики, на шее шарф. Ну, естественно. Тьфу. Пидор, сплюнул про себя Илья. Стилиста из себя строит, валенок провинциальный.

Венчик свалился им на голову пару лет назад, прямиком из Алапаевска, с родины предков, как пошутил отец. И с тех пор кормился при Инне Анатольевне. Она помогла ему открыть салон красоты и снабжала клиентами, а он был при ней кем-то вроде камеристки и секретаря в одном лице.

– Мальчики, не ссорьтесь, вы ведь братья.

– Троюродные, – мрачно вставил Илья.

– Неважно. Идемте кофе пить.

Венчик тут же подхватил Инну Анатольевну под ручку и поспешил с ней на кухню, только что язык Илье напоследок не показал.

– Инночка, а как же быть с вернисажем? Позвонить, предупредить, извиниться? Все поймают.

– Ни в коем случае. Ничего не отменять, – жестко оборвала его Инна Анатольевна. – Если сегодня я где-нибудь не появлюсь, завтра обо мне никто не вспомнит. Надо просмотреть планы на ближайшие дни и четко продумать график. Да-а. Во сколько открытие выставки?

– В двенадцать. От губернатора обещали быть.

– Не отменять ни в коем случае. Придется сперва на вернисаж, часик там побудем, а потом уже в похоронное. Илья, если будешь успевать, можешь тоже подъехать, адрес я тебе скину эсэмэской. Вместе гроб выберем и венки. Их надо делать на заказ, очень продуманно.

Главное, конечно, некролог, но этим вопросом занимается Валерий Иванович, он обещал скинуть проект. Самое главное – это правильно подобрать образ. Строго, с намеком на утрату, но не мрачно. Что думаешь, Веня?

Илья смотрел на них исподлобья, поражаясь материнской черствости. Почему он раньше не замечал этого? А может, это не черствость? Может, ей просто было наплевать на отца? Он был старый, вечно занятой, а она? Да она выскочила за него замуж, когда ей еще и двадцати не было, а он уже был взрослым мужиком за сорок. У него уже за плечами два брака было! Интересно, мать его хоть немножечко любила или это сразу был чистый расчет? И почему Илья прежде никогда об этом не задумывался и не обращал на взаимоотношения родителей никакого внимания? Потому что было тепло и сытно? Потому что они никогда не ругались? Потому что он законченный инфантильный эгоист, как говорит мать?

Проглотить такую пилюлю было горько, но выходило, что мать права. А если она была права в одном, могло так случиться, что она права и в другом.

Значит, его успешный бизнес – это фикция, выходит, что он и впрямь вылезал на подставках отца? Илье невольно вспомнились короткие распоряжения отца. Позвони тому, съезди к этому. Тебе позвонят, я договорился. И если как следует подумать, то все стоящие заказы пришли в фирму именно через отца, да и открыть ее надоумил именно отец.

А что тогда представляет собой он, Илья Маслов? Неужели он полный ноль? Бабник и кретин, не способный на самостоятельные действия?

Нет, нет, это все фигня. Ладно, заказы подкидывал отец, но выполнял их он, Илья. Точнее, его фирма. Его сотрудники. У него отличная команда, инженер, прораб, дизайнер, Жорка – финансовый директор, юрист. Илья поднес ко рту пустую кружку.

– Блин. – Илья огляделся и понял, что мать с Венчиком уже исчезли с кухни, а он и не заметил. Он взглянул на часы и впервые в жизни по-настоящему заторопился на работу. Ему вдруг показалось необычайно важным приехать туда вовремя. Разобраться, что творится с заказами, сколько объектов сейчас в работе. И что будет, когда они будут выполнены? А ведь его замечательной команде надо платить зарплату. Эта мысль потрясла его так, как, наверное, смерть отца не потрясла.

– Привет, пап, ты куда-то собираешься? – На пороге кабинета возникла Лера.

– Господи, что на тебе надето? – только и смог спросить счастливый родитель.

Любимая дочь была, как всегда, оригинальна и в выборе фасона, и в выборе цветовой гаммы.

– Креативненько, да? – усмехнулась Лера, демонстрируя папе странного вида балахон. – А я тут поблизости была, так ты сейчас куда?

– На выставку юных дарований. Меценаты из мэрии устраивают, хочу взглянуть, что там. Через пару недель приезжает Джейн, было бы неплохо накопать парочку свежих имен, хотя... С гениями в стране ощущается напряженка, – рассматривая себя в зеркале, проговорил Дмитрий Алексеевич. Густая шевелюра, чуть пробивающаяся седина и подтянутая фигура. Неплохо для шестидесяти лет. Перехватив насмешливый взгляд своей юной дочери, он ей подмигнул: – Что, не пора еще на живодерню?

– Да ты у меня еще тридцатилетним фору дашь, – великодушно проговорила Лера, чмокая отца в щеку. – Знаешь, я решила составить тебе компанию. У меня свидание сорвалось, поеду с тобой.

– Свидание? С кем? С этим низколобым примитивом из Финансового консалтинга? Или как там его конторка называется? «Рога и копыта»?

– Па, он не примитив. У него диплом Высшей школы экономики и еще чего-то очень престижного, и это не «Рога и копыта», а солидная международная фирма. А лоб – да. Со лбом

ему не повезло, – беря отца под руку, произнесла Лера. – Но свидание сорвалось не с ним, а как раз с одним относительно юным дарованием.

– Ну нет. Лучше уж низколобый, – тут же передумал Дмитрий Алексеевич.

– Да ладно тебе, я просто хотела взглянуть на его работы. Видела парочку. Показались ничего, не без искры божьей. Мне даже кажется, он не менее перспективен, чем Афанасий Лукошкин.

– Не напоминай мне про этого мерзавца и перебежчика, – скрипнул зубами Дмитрий Алексеевич.

– Да ладно тебе, пап, каждый ищет, где послаще. И потом, в Амстердаме он реально неплохо устроился.

Торжественная часть уже закончилась, и теперь организаторы выставки, чиновники, меценаты, пресса и избранные гости, приглашенные на открытие, прогуливались по манежу с бокалами шампанского и с видом ценителей бросали на картины взгляды осмысленные, одухотворенные. Лера подобные моменты обожала. Она наблюдала за публикой, втайне над ними посмеиваясь и незаметно фоткая особенно «выдающиеся» экземпляры. Иногда она продавала свои снимки одному независимому интернет-изданию весьма критической направленности.

Повеселившись вдоволь, Лера огляделась. Отец беседовал с молодой дамочкой в сером элегантном платье, кажется, Маслова, жена того самого Маслова. Представитель фонда, покровительница искусств. А впрочем, неважно. Лера хотела предупредить отца, что уходит, но он, увидев дочь, едва заметно покачал головой. Ладно. Пусть охмуряет эту дамочку, может, удастся решить важный для их семьи вопрос. Лера мешать не станет.

Илья уверенно крутил руль, маневрируя в пробках. Провести ревизию в фирме удалось довольно быстро, Жорик кратко отчитался о ходе дел, несколько успокоив осиротевшего шефа. В работе имелось три больших проекта. Реконструкция школы искусств, социальный дом и строительство речного вокзала. Работы было много, заказы были крупные, финансирование стабильное. Еще имелось несколько мелких заказов, строительство загородных домов приятелям отца, теннисный клуб, ремонт квартир. Прежде Илья не любил связываться с подобной мелочовкой, но теперь с особенным интересом изучил именно эти заказы.

– Знаешь, Жорик, нашей фирме необходимы свежие идеи и вливания. Надо как-то расширить круг клиентов, продумать широкую рекламную кампанию, – потирая подбородок, озабоченно рассуждал вслух Илья. Жорик понимающе кивнул.

Жорик вообще всегда все понимал. С детства. Когда-то они были друзьями-приятелями, потом стали коллегами, а дружба как-то забылась, сошла на нет. Почему?

Илья взглянул на Жорика. Он по-прежнему доверял ему, полагался на него, а вот теплоты и дружеского участия в их отношениях почти не осталось. Почему? Когда это случилось? Когда Жорка женился? Остепенился, стал скучен? Илья еще раз внимательно взглянул на друга.

– Жорка, как твои? Отправил их куда-нибудь?

Жорка уставился на него так, словно Илья вдруг перешел на китайский. Пожалуй, и это понятно. Илья никогда не интересовался Жоркиной семьей. Жена, дети... скука смертная. Чем тут интересоваться? А наверное, зря.

– Да, в Испанию улетели на лето, я им дом снял, – после короткой паузы проговорил Жорка. – А что ты вдруг о них вспомнил?

– Да так. Подумал вдруг, что мы с тобой давно уже не болтали просто так, без дела, – виновато произнес Илья. – Извини.

– Да ладно. Все нормально, у каждого своя жизнь, свои заботы, – великодушно ответил Жорка. – А вообще... – и лицо его стало хитрым, – ты хоть знаешь, сколько у меня детей, друг Ильяха?

– Ну да. Двое. Аня и Митя. Нет. Миша.

– Мотя, – насмешливо поправил его Жорка. – Матвей его зовут. Так вот подотстал ты, дружище. Четверо у меня.

– Четверо? Когда ж ты успел? – по-настоящему удивился Илья.

– Наверное, тогда, когда ты по клубам и бабам носился, – чуть свысока ответил Жорка.

– А жена у тебя та же?

– Та же. Рита, если забыл. Ты же у нас лет сто не был, – проговорил он, садясь напротив Илья. – У нас и квартира новая. Я ипотеку взял.

– Да? Поздравляю. А где квартира, сколько комнат?

– Хорошая квартира, четырехкомнатная. У меня же еще две дочки родились, двойняшки.

Лиза и Леся, – рассказал Жорка. – Хочешь, приезжай вечером, посидим, пива выпьем.

Ах, вот что. Жалеет его старый друг, понял, что Илье хреново. Поддержать решил.

– Спасибо. Может, заеду, вот только не сейчас. Сейчас похоронами надо заняться.

– Конечно, – кивнул Жорка, поднимаясь. – И еще. За фирму не переживай, за эти годы мы сумели наработать неплохую репутацию, да и клиентский список у нас солидный. Так что выживем.

– Да? – глупо, как-то несолидно, по-детски переспросил Илья.

– Да. Команда у нас хорошая, и разбежаться мы не собираемся, – снова улыбнулся Жорка. – Во-первых, кризис, некуда бежать, а во-вторых, мы свою компанию любим. Мы ее с нуля создавали. Вместе с тобой, конечно.

– Спасибо, – криво усмехнулся Илья. – Утешил.

И это была правда. Хорошо, что у них такая надежная команда, и хорошо, что у него такие надежные друзья, хотя он их, может, и не заслуживает. А что касается Жорки, то надо будет к нему действительно заехать, посидеть, потрепаться. Пивка попить. Хватит уже с девицами крутить, не мальчик уже.

Так что на встречу с матерью Илья ехал в бодром настроении. И все ее карканье «ты подумай, мальчик, как теперь жить будешь без отца» казалось причитаниями испуганной, беспомощной, истеричной дамочки. Возможно, мать такой и была, только показывать не хотела. А значит, ей сейчас необходимо надежное мужское плечо, а не этот пидор в клетчатых подштанниках.

Весь день прошел в суете. Место на кладбище, банкетный зал, меню, музыка, гроб, венки, цветы, отпевание и прочие безрадостные дела. Да еще Венчик рядом крутился, нашептывал мамочке, советы давал. «Стильный гробик» и прочее в том же духе. Тьфу, даже пожалел, что потащился. Но все же не поехать не мог. Все же отцовские похороны.

И еще не понравилось, что мать с каким-то типом шушукалась, когда Илья за ней на вернисаж приехал. Прилично одетый, не альфонс какой-нибудь, в возрасте, под ручку ее прогуливал. Неужели мать уже замену отцу подыскивает, новое теплое местечко присматривает? Илья тряхнул головой. Ужасно, что в голову лезут такие мерзкие мыслишки, раньше с ним подобного не случалось.

Глава 3

18 июля 1918 года. Алапаевск

В город вернулись под утро. Ванька решил в совдеп, а тем более в ЧК не ехать, что он, начальство какое? Сказал Старцеву, что домой спать пойдет, тот отпустил. И Ванька скоренько, огородами поспешил к своей избе. Сперва просто шел, а потом, когда подводы из глаз скрылись, припустил по улице до самого дома.

Почему он так несся? От страха, наверное. Не привык еще Ванька к классовой борьбе. Учился только. На всякие там занятия ходил, листовки читал, на митингах бывал, заезжих агитаторов слушал. Да и своих тоже. Например, председателя Алапаевского совдепа товарища Абрамова. Ох, и умел он говорить! Как пойдет буржуев да всяких там богатеев чихвостить, только перья летят. И так это все у него гладко да правильно выходит. Заводы, значит, рабочим, а земля крестьянам, а тех, кто на чужом горбу сидит да кровушку народную тянет, тех в расход. Очень Ваня с ним согласен был. А то, бывало, до революции приказчик, или управляющий, или инженер какой, уж не говоря о хозяине завода, с таким-то форсом по городу на своих колясках шуршали! А ты им в пояс кланяйся. А с какой это такой стати должен Ванька перед ними спину гнуть? Чем это они его так осчастливили? Нет, шутишь! Теперь никто ни перед кем спину гнуть не должен. Нынче все равны. И из хором их погнали, правильно. Неча по сто комнат занимать, когда народ по хибарам ютится.

Так что с новой властью Ванька Маслов был полностью согласен. И вчера, когда чекисты для секретного дела надежных людей набирали, сам сперва вызвался. Он за последние месяцы много уже чего повидал, да и вообще был не из пугливых. Старцев к делу долго приступал, про сложную обстановку на фронте рассказывал, про телеграмму Уралсовета, о попытке выкрасть царя с семейством и о побеге великого князя в Перми. Ванька забыл, которого, много было у царя дядьев да племянников, всех и не упомнишь. В общем, дело было важным и совершенно секретным, про расстрел им не сразу сказали, а когда сказали, деваться уж было некуда.

Самих-то князей Ваньке не особо жалко было, а вот княгиня... Добрая она была женщина, дурного никому не делала, наоборот. Маманю вылечила. Сиротам помогала, хворым да бедным. Совдеп вот не помогал. В основном буржуев тряс да порядки свои в городе наводил, лавочников всяких запугивал, заводчиков из города погнал, а вот чтоб помочь кому... этого не было.

Мать у Ваньки, конечно, женщина темная, в Бога верует, про интернационал и слушать не хочет, но глаз у нее на людей зоркий, про новых Ванькиных приятелей слова доброго не сказала. А уж новое пролетарское начальство и вовсе иначе как антихристами не называла. Что-то она Ваньке скажет, когда узнает о том, что княгиню заживо в шахту сбросили? Прибьет родное дитя, прибьет и не вздрогнет, боязливо подумал Ванька и очень одобрил идею Совдепов свалить пропажу Романовых на белогвардейских заговорщиков.

А княгиню ой как жалко, добрая была женщина. Земля ей пухом. И даже всхлипнул. Скромная была, не гляди, что царицына сестра. Одевалась просто, как монашка, только в белое. И такая красивая, что и представить нельзя. Ванька, когда ее впервые увидел, все удивлялся, вроде уже не молодая, а вся словно бы светится. И походка у нее легкая, летящая, идет, словно пава плывет. Ванька тогда ни о чем не думал, просто смотрел во все глаза, на великую княгиню любовался.

Эх, что-то он рассиропился. Жалость глупая в нем проснулась к тиранам и кровопийцам, что столько веков кровь из народа пили и жилы тянули. А что их жалеть, напомнил себе Ванька слова товарища Абрамова, если, к примеру, его деда лет сорок назад заводской приказчик за малую провинность насмерть заперол, а бабка с детьми и с матерью его едва с голоду

не подошли, лебеду жрали, пока дядька Василий, старший из детей, не подрос да на завод не пошел. Мальчонкой девятилетним пошел! А он, Ванька, этих холеных да выправленных князьков жалеть будет, которые всю жизнь на перинах спали да на балах всяких отплясывали. Уж им приезжие товарищи ораторы все подробно про царя да его семейство и вельможей придворных рассказали, когда князей в Алапаевск привезли. И про дворцы их, и про кареты. И про слуг. И про то, как простого человека испокон веков голодом морили и эк-сплу-ати-ровали. Во, слово какое умное! Иван запомнил. В общем, не пристало их жалеть. Иван опять приободрился, и на сердце полегче стало.

Когда Ванька до дому добрался, мать только с сундука сползла.

– Ванька, ты чего такой всклокоченный, откуда прибег-то и почему дома не ночевал? – тут же вцепилась в него родительница. Она была уже старой, Ванька у нее младший был. Приземистая, жилистая, загорелая чуть не до черноты – на огороде обуглилась, с седыми волосами и черными, как уголья, глазами, ведьма, одно слово. Ванька-то лицом в отца пошел. И характер у матери был жесткий, властный, а потому, когда она его спросила, отвечать пришлось.

– На службе был. Задержался. – Теперь, при новой власти, Ванька чувствовал себя уверенно, по улице ходил гоголем, на соседа Кондрата Карпыча, что жил в большом доме и имел свою лошадь, двух коров и шорную мастерскую и по прежним временам Ваньку не замечал, как вошь какую, поглядывал свысока. Да и мать уже не так боялся, как прежде, во всяком случае, всячески это показывал.

– Где был, говорю? – гремя горшками возле печки и покрехтывая, спросила старуха. – У Напольной школы небось?

– Откуда знаешь? – замер с полуснятым с ноги сапогом Ванька.

– А то не знаешь? Полночи стреляли на том конце, конные, говорят, всю ночь туды-сюды скакали, да еще, говорят, взрывы были. – Тут мать оставила возиться с печкой и, подойдя к Ване, заглянула сыну в глаза. – Случилось чего? Может, с великой княгиней чего, с Елизаветой Федоровной? А? Ты чего молчишь-то, стряслось что, говорю?

– Стряслось. – Старцев их еще с вечера предупредил, что населению правду о Романовых знать не обязательно. Население еще не сознательное. Может не так понять. А потому в сложной ситуации, сложившейся на Урале, лучше, если население будет думать, что князей кто-то похитил, например, белогвардейская сволочь. И для этой цели ночью, когда подводы с князьями уже покинули город, люди Абрамова должны были устроить возле школы стрельбу и даже взорвать несколько гранат, чтобы население думало, что бой был.

– Ох ты, батюшки! – всплеснула руками мать и тут же на колени рухнула перед иконами Бога молить о спасении беглецов.

– И как вам, маманя, не стыдно? – укоризненно проговорил Иван. – Уж сколько раз я вам говорил, нету никакого Бога, а значит, и молиться незачем.

– Нету! – поднимаясь, фыркнула мать. – Ишь, умники нашлись! Господь наш Спаситель от веку есть, а вас, горлопанов, только вчера родили, да видно, пороли мало, – крестясь, бормотала она, снова возвращаясь к печке.

– Ну а за цареву родню вы зачем молитесь? Сколько они простого народу погубили, сколько соков с него выпили? – из какого-то внутреннего глупого упрямства принялся злить мать Иван.

– Может, кто и выпил, – буркнула недовольно мать, – не знаю, а вот только великая княгиня Елизавета Федоровна, окромя добра, ничего простому люду не творила. Да и вообще, у кого это рука могла на помазанников Божьих подняться? У жидов да у нехристей! Ох, смотри, Ванька, пропадешь! И никто тебя не спасет, ни ЧК твое, ни горлопаны приезжие.

– Вы, маманя, про ЧК потише, – торопливо захлопывая окна, посоветовал Иван. – А то как бы самим не пропасть. И вообще, не то сейчас время, чтобы царя жалеть. А еще, – снова садясь на лавку, продолжил он воспитывать мать, – сейчас, маманя, наше время идет, теперь

пролетарии будут всем в государстве распоряжаться, потому как они и есть настоящие хозяева. Их руками все создано. А всяких там царей, попов и буржуев мы так погоним, что ого-го!

– Смотрите, как бы вас не погнало, – затапливая печь, пригрозила маманя. – Вона что по городу говорят, что армия Колчака вот-вот Екатеринбург возьмет, а уж оттуда и до нас недалеко. Куда тогда твои дружки из ЧК побегут? А сам что делать будешь, Ванька, а ну как спросят с тебя? – Тут у матери голос непривычно дрогнул.

– Да что вы такое говорите, ни за что комиссар Белобородов и товарищ Сафаров Екатеринбург не сдадут. Вот увидите! Да нам товарищ Сафаров, когда приезжал, все объяснил...

Договорить Иван не успел, дверь в сенях хлопнула, а в следующую минуту в избу вошел без стука по-свойски его старший брат Петруха.

– Здорово, Иван. Здравствуйте, маманя, – снимая картуз, поклонился матери Петр и торопливо подсел к Ваньке на лавку. – Вань, ты у нас человек к новой власти не чужой, расскажи по-родственному, что там у вас ночью за стрельба была? Глафира моя от страху полночи провыла. А сейчас к вам шел, бабы у колодца сказывали, что ночью Романовых из Напольной школы похитили!

Петруха с женой жили в небольшом домишке возле лесных складов. Со свекровью Глафира не ужилась, да и что удивляться, когда характер у Марфы Прохоровны был такой, что и родным с ней ужиться – дело не простое. Не то что невестке. Вот и пришлось Петрухе на склад сторожем идти, потому как там для сторожа избенка была построена.

– Ну чего молчишь-то? Аль сам не знаешь, чего было?

– Как не знать, – вытягивая босые ноги, степенно ответил Иван. – Устал я, Петруха. Как-никак всю ночь не спавши, вот только сейчас вернулся.

– Да ну? А чего было-то, расскажи по-братски. – Петр хоть и был старше Ваньки на четыре года, и вообще человек был уже семейный, двое детей, младшая Галинка месяц назад родилась, а обращался к младшему брату уважительно, понимал, с кем дело имеет.

– Да вишь ли, братуха, какое дело, – упирая руки в колени и солидно прокашливаясь, проговорил Иван, – беляки князей ночью похитили.

– Да ты чего!

– А вот и чего. Налетели ночью, врасплох. Наши, конечно, отстреливались, даже пару гранат метнули, одного из беляков на месте положили, из наших, правда, тоже раненый есть.

– Ты гляди, – сочувственно покачал головой Петруха. – И чего? Убегли?

– Убегли. Врасплох, понимаешь, застали, да и много их было, – сокрушался Ванька. – Отбили. А потом полночи по полям да по лесам за ними гонялись, да где их во тьме такой найдешь? Ушли.

Ванька размотал портянки и пристроил тут же возле печки на просушку, а потом принялся пиджак снимать, да как-то неловко потянул, крест из него выскользнул.

– А это чего? – не растерялся братуха и крест с полу подобрал. – Ты гляди, никак золотой?

– Это еще что? Откуда? – тут же подскочила маманя и крест у Петрухи выхватила. – Это где же ты, ирод, такую вещь взял? – подскакивая к Ваньке, стала она ему тыкать крестом в нос. – Это дружки твои воровать тебя научили или разбойничать? Отвечай, у кого отнял, ирод? – схватив Ваньку за жидковатый чуб, голосила мать и трепала его, как в детстве. Было обидно и больно, а главное – при братухе авторитет его порушила.

– Да не отнимал я! – пытаюсь вырваться из цепких старухиных пальцев, взвизгнул Ванька. – Не отнимал!

– Откуда взял, ирод? Ну?!

– Великая княгиня дала, еще до побега, – не придумав ничего умного, ляпнул Ванька.

– Княгиня? Это Елизавета Федоровна, что ли? – ахнула мать и от неожиданности выпустила Ванькин чуб, впиваясь глазами в крест. – А ведь я его помню, она при мне на него молилась. Ох ты батюшки!

– Вы, маманя, как-то поаккуратнее, что ли, я вам не мальчик все же. Несolidно, – отходя от матери подальше и поправляя прическу, обиженно посоветовал Иван.

– Поговори еще, – буркнула мать, возвращая свой боевой настрой. – Сказывай лучше, с чего это ее царское высочество тебе вдруг крест дала? Врешь небось? – снова надвигаясь на Ваньку, потребовала ответа старуха.

– Не вру я ничего. И никакое она не высочество, а обычная гражданка. Нет теперь высочеств, – снова наполняясь собственной значимостью, заявил Иван, за что тут же получил крепким кулаком в лоб. – Ой! Дала мне, чтобы я в церкву передал, вроде как на память. Только не в нашу, а ту, что при кладбище.

– Вона оно что, – успокоилась мать. – Вот только непонятно, почему ее высочество тебя, дурня, выбрала. Ну да ладно, сегодня же отнесешь, – убирая крест за образа, распорядилась Марфа Прохоровна, возвращаясь к печке. – А ты чего расселся, или дома дела нет? – оборотилась она к Петру. – Глафира твоя небось уже слезами облилась, где ее муженек запропал, – не скрывая яда в голосе, сказала она, подкладывая в печь поленья.

– Ничего, подождет, – отмахнулся Петр, не сводя глаз с образов. – Вань, крест-то из чистого золота. Да еще с камнями, такой знаешь сколько стоит?

– Ты это о чем? – Лицо Марфы Прохоровны, освещенное красноватыми всполохами разгорающегося в печи огня, могло бы запросто напугать кого угодно. Развевающиеся седые патлы, отливающие заревом угольно-черные глазки на перекошенном лице и длинные, узловатые натруженные руки делали ее похожей на Бабу Ягу. Но сыновья давно к ней привыкли, а потому Петр и внимания на мать сейчас не обратил.

– Вань, ты послушай, чего скажу-то, – беря брата под руку, зашептал Петруха. – Этот крест немалых деньжищ стоит. Зачем его в церковь отдавать, да и вообще, ты ж сам говорил, что Бога нет. Кому тогда крест нести, попу тамошнему? Так он и так проживет. А мы бы с тобой его продали за хорошие деньги. А? Про него же никто, кроме нас с тобой, не знает. Княгиню теперь ищи-свищи. А?

– Не знаю, Петруха... – как-то неуверенно протянул Иван, с Петрухой делиться ему не хотелось, да и при матери говорить о таких делах не след. – Обещал же...

– Вы чего там удумали, нехристи? – раздался у них над ухом противный каркающий возглас. Братья и не заметили, как мать к ним подкралась. Она еще в детстве, стоило им баловство какое задумать, тут как тут возникала, словно из-под земли, с хворостиной, а то и с поленом, и пикнуть не могли. – Вы что, поганцы, удумали? Чужую вещь присвоить? Крест! Крест украсть! Да что ж это делается, – с непривычной плаксивостью завопила Марфа Прохоровна, – где ж это видано, Господа обкрадывать? Крест вместо храма Божьего в лавку нести?

И от материнского непривычного плача стало Ивану совестно. Он, пока врал, уж и сам поверил, что крест он ни у кого с шеи не срывал, а княгиня его сама подарила и в церковь велела снести, и от этого ему было хорошо и спокойно, приятно было, а тут нате вам, опять он выходил распоследним проходимцем.

– Княгиня вроде говорила, что в нем мощи Сергия Радонежского запечатаны, – неуверенно сообщил он.

– Господи, вразуми ирода, сына моего! Это что ж ты удумал? Крест со святыми мощами как безделку какую продать, да еще и вместо того, чтобы в Храм Божий снести? – стонала мать. – Если завета ее высочества не исполнишь, прокляну, и детей твоих прокляну, и их детей, и тебя, Петька, с детьми, так и знайте! – Последние ее слова прозвучали грозно и гулко, как набат, и братья от страха поежились, а Петька тут же домой побег, а к Ивану с крестом больше не подступался.

Телеграмма

Военная. Екатеринбург. Уралуправление.

18 июля утром 2 часа банда неизвестных вооруженных людей напала на Непольную школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в не известном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению к лесу. Задержать не удалось. Розыски продолжаются.
Алапаевский Исполком. Абрамов, Перминов, Останин

«Похищение князей»

Алапаевский исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18-го июля не известной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся.

Председатель Областного Совета Белобородов. «Известия Пермского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов», № 145

Глава 4

30 сентября 1918 года. Екатеринбург

Медленно тащился состав к Екатеринбургу, дергался на полустанках, застревал на станциях. То угля не было, то проверка документов. Ехали уже вторые сутки. На подводе и то доехать быстрее. В вагоне пахло киселем, потом, невымытыми телами, табаком и еще бог знает чем, было в нем тесно, несмотря на тревожное время, и беспокойно. Потому как каждую станцию в вагон врывались люди, трясли, дергали, требовали документы, шарили по узлам и карманам, кого-то, бывало, снимали. А потому, когда поезд начинал спотыкаться и дергаться, бабы принимались истово креститься, мужики переглядывались мрачно, кто-то ругался, а кто-то перекладывал поклажу. Но поезд шел и наконец дополз до Екатеринбургского вокзала. Пассажиры, кто с оханьем, кто со вздохами облегчения, выбрались на перрон и поспешили покинуть вокзал и привокзальную площадь, устремившись в лабиринт улиц и переулков.

Иван сошел с поезда и замер, оглядываясь. Больше всего ему хотелось сейчас уйти подальше от вокзала и широкой пустынной площади, грязной, заплыванной, по которой прогуливались военные патрули. Уйти-то он хотел, но прежде надо было узнать, куда двигаться. Адресок Петрухиного кума лежал у него в кармане, и оставалось лишь узнать, где эта улица Кузнецкая, на которой кум обретается.

Заприметив в сторонке мальчика с пачкой газет, самозабвенно ковыряющего в носу, Ванька двинул напрямик к нему.

– Слышь, парень, где у вас тут Кузнецкая улица?

Мальчонка оглядел его неспешным нахальным взглядом и молча протянул руку. Эх, по старым бы временам врезал ему по загривку, но увы. За спиной маячил патруль, да вроде еще и не «наши», а с иностранными погонами. Белочехи, значит, а эти церемониться не будут, Ванька уж в поезде наслушался. Так что, порывшись в пустом кармане, отыскал монету и сунул лиходею в грязную ладонь.

– Вона туда ступай, на проспект. Сперва Луговая будет, – размахивая руками, объяснял вымогатель, – потом Обсерваторская, а потом уж и Кузнецкая. Топай, лапоть, не заблудишься.

Ванька снова едва сдержался. Да делать нечего, потопал поскорей, куда гаденьш указал. Проспект! Поди ж ты.

Ванька в Екатеринбурге отродясь не бывал и вообще дальше Синячихи никуда не ездил, а про Екатеринбург слышал, что город большой, красивый, с банками, каменными гостиными дворами, театром, цирком, настоящей тюрьмой и прочим в том же роде.

Петрухин кум, а точнее, Глафирин, сам был алапаевским, а служил сейчас у какого-то богатея лакеем. Может даже у банкира или у губернатора. Петруха точно не помнил, да и власть нынче менялась так часто, что и не известно, чем теперь кум занимался и кому служил, сведения о нем были устаревшие. Последнее письмо от него было получено еще весной пятнадцатого года, а с тех пор всем известно, сколько воды утекло.

Но деваться Ваньке было некуда, и он пошел, кутаясь поплотнее в пиджачишко, потому что к вечеру стало по-осеннему холодно.

– Кто там? – раздался из-за двери сердитый настороженный голос.

– Иваном меня зовут Масловым, я привез вам поклон из Алапаевска от вашей кумы Масловой Глафиры Гавриловны.

– И чего?

– Как чего? – опешил Иван. – Откройте, пожалуйста.

– Зачем?

– Ну как зачем, я же к вам ехал. – Петрухин кум гостю был определенно не рад, но вот Ваньке деваться было некуда. Да и темнело уж, а по нынешним временам в незнакомом городе не то что ночью, и днем-то боязно. Вот и пришлось ему уже второй раз за день кланяться.

– Евграф Никанорович, сделайте такую милость, откройте, двое суток в поезде трясса, шутка ли. Хоть бы отдохнуть с дороги.

– Отдохнуть. Небось еще и жрать запросишь, – совсем уж грубо бросили из-за двери, и Иван опять обиделся, но прочь не ушел. Громыкнул засов, и дверь наконец-то распахнулась, выплеснув на крыльцо слабый желтый луч света. – Ладно уж, заходи.

Иван шмыгнул в дверь, пока Петрухин кум не передумал, и сразу же из темных сеней шагнул в светлую избу. Вот это да! А Евграф Никанорович, оказывается, не бедствует. Иван с любопытством огляделся. Небольшая комнатка была обклеена обоями и обставлена мебелью, какую Иван видел у богатого купчины одного в Алапаевске, которого они с мужиками по приказу Абрамова арестовывать ездили. И то у того поскромнее было. Иван внимательно, с любопытством оглядывал кумовы хоромы. У стены за печкой стоял диван, а еще были кресла, и столы маленькие круглые, и большой стол со стульями. Стулья тоже не абы что, а с витыми спинками и мягкими сиденьями, шелком обтянутыми. Красота! Фикус в кадке у окна, и буфет, и еще чего-то. И даже лампочка посреди комнаты имелась электрическая, под тряпочным колпаком с кистями. О как. Правда, сейчас комната освещалась обычной свечой.

– Ну чего выпучился, не видал, как люди живут? – раздался из-за его спины недовольный каркающий голос хозяина. – Хозяйская это обстановка. Хозяин мой, когда уезжал от совдепов, все мебелия побросал, а мне сказал – бери, Евграф, что нравится. Все одно пропадет. Сказал, а сам в Париж укатил, а может, еще куда. Пес знает. Ладно, садись вон на стул, только не напачкай, – велел он, и сам устраиваясь за столом. – Так, значит, от Глафиры? Ну как она?

– Хорошо. В июне у них с Петрухой дочка родилась. А я брат Петрухин, мужа ее брат, – не видя одобрения на лице Евграфа Никаноровича, суетился Иван. – Они вас частенько вспоминают, поклон вот шлют.

– Э-эх. Сделаешь так-то вот доброе дело, а потом и наплачешься, – ни к тому ни к сему проговорил Евграф Никанорович и вздохнул. – Много вас братовъев?

– Нет, двое.

– Это хорошо. Глафира-то мне троюродная племянница, седьмая вода на киселе, а в тот год, когда мальчика ее крестили, мы с хозяином как раз в Алапаевск по делам приезжали, и вот дернуло с дури да от скуки в гости к Глафире припереться, а тут крестины. Дядя Евграф, будь крестным да будь крестным, – передразнивая бабий голос, заголосил Евграф Никанорович. – Согласился, куда деваться. А теперь вот чувствую, наплачусь.

Ванька, выслушав хозяина, что ответить, не нашелся, да и есть очень хотелось, мысли все как-то вокруг ломтя хлеба крутились. Хозяин тоже помалкивал, тишина стояла в избе, слышно было только, как ходики в углу постукивают.

– Ладно, – сказал, наконец, Евграф Никанорович. – Тебя зачем в Екатеринбург принесло? Чего дома-то не сиделось?

– Так просто, – замылся Иван. Он в поезде пока ехал, думал, что Петрухиному куму соврать, если спросит, зачем пожаловал, а сейчас что-то все из головы вон. А хотя... – Работы в Алапаевске нет, жить нам с маманей нечем, вот и приехал, думал, может, тут где устроюсь.

– Работы нет? – переспросил, цепко глядя на Ваньку, хозяин. – Ты ври, да не завирайся. Я вранье за версту чую, служба у меня была такая, людей различать. Небось с большевичками спутался да накуролесил, пока они в силе были, у тебя вона все на роже написано. Я таких, как ты, молодых дураков насмотрелся, с красными повязками, с наганами да с гонором. А где они теперь? По тюрьмам сидят, а то и вовсе в расход пустили. У меня вон сосед тоже ходил, нос задрал, все грозился, что меня как буржуйского подпевалу да холуя к стенке поставит, ну?

И где он теперь? То-то. Только мать слезами умывается, ей что? Кто бы ни был, а все дитяtko, – вздохнул Евграф Никанорович. – Ну так чего приперся?

– От белых, – решил не финтить Ванька, пока на улицу не выставили. – Я Романовых охранял, пока те не сбежали, с рабочими с нашего завода. А что делать-то, там хоть жалованье было да харчи иногда подкидывали, – поспешил он на всякий случай оправдаться.

– Пока не убежали, говоришь? А слухи ходят, что не бегали они никуда, а комиссары их в расход пустили. У нас ведь тут тоже следствие завели, ловят помаленьку всяких, кто просто охранял, – с ехидцей заметил Евграф Никанорович.

Ох, и мерзкий же мужик, размышлял Иван, скрипя зубами, и как только Петруха с таким связаться сообразил, еще и в крестные отцы Федюшке зазвал. Так бы и дал ему по сытому рылу.

Лицо у Евграфа Никаноровича и впрямь было сытое, гладкое и благообразное, хотя и не толстое, даже скорее, наоборот, худое, и сам он был худой и длинный, а все равно видно, что не бедствует. И руки вон какие холёные, небось только платочки кружевные своему барину подавал да кофий по утрам, а все остальное время спал да барские объедки подьедал, всякие там куропатки да перепелки. Ванька теперь знает. К ним в Алапаевск мужик один приезжал, как раз с большим начальником товарищем Сафаровым, на подмогу, разъяснительную работу вести. Так вот он в дорогом ресторане работал в юности на побегушках и рассказывал, как буржуи жируют да как над едой изгаляются. Простому человеку и не приснится. Небось этот Евграф тоже у своего хозяина не бедствовал. Но все это Ванька про себя думал, вслух не делился, а, наоборот, отвечал хозяину уважительно, кротко.

– Я этого не знаю. Потому как нас с караулов сняли, когда пришло известие, что побег готовится, и поставили опытных бойцов, – соврал Иван, глядя на хозяина честными глазами.

– Ну-ну, – с сомнением проговорил Евграф Никанорович. – Ладно уж, сегодня переночуешь, а завтра ступай на все четыре стороны. И еще, по нынешним временам в гости со своими харчами ходить надо, – добавил он многозначительно. – Но уж так и быть, по доброте своей накормлю.

И накормил. Жидким чаем и хлебом с луковицей. Ах да, еще кусок сахару выдал.

– На вот, чем Бог послал, – ставя перед Иваном нехитрое угощение, прокаркал Евграф Никанорович. Голос у него был неприятный, звонкий, с хрипотцой, и нелюбезный до ужаса.

Ваньке приходилось пару раз лакеев в Алапаевске видеть, все они были такими лощеными да услужливыми. А впрочем, может, они с господами услужливые, а с простым народом вот такие вот.

– Ну, поел, что ли, тогда пошли спать уложу, – забирая со стола стакан и тарелку, смахивая в нее со стола крошки, распорядился Евграф Никанорович и повел Ваньку из избы в сени, в тесный чуланчик. Вот ведь гад какой! – Тут переночуешь. Вон тулупчик на гвоздике висит, под себя положишь, а другим тулупчиком прикроешься. Вона тем, что на корзинке лежит. И чтоб до утра не шуметь.

И ушел, подлец, и дверь в избу на крючок запер.

Бросил Ванька тулуп на пол, сел и пригорюнился. Вот оно как. Еще два месяца назад ходил он по Алапаевску, посвистывал, соседи с ним издали здоровались, а теперь? Еле ноги унес!

Еще спасибо братухе, спрятал у себя, не побоялся. А то ведь как белые в город вошли, так и давай хватать всех подряд, а особенно тех, кто Советам служил или просто сочувствовал. Хорошо, маманя вовремя узнала, что сосед их Куликов донос на Ваньку состряпал, что Ванька Романовых охранял и возле Совета отирался. Вот Ванька и успел из дома убежать, огородами, оврагами, да к Петрухе на склады. Тогда брат и посоветовал из города бежать в Екатеринбург. Екатеринбург город большой, Ваньку там никто не знает, а остановиться у кума ихнего посоветовал. Вот и остановился.

Эх, жизнь... Ванька лег на тулуп, поджал под себя ноги. И денег у него совсем нет. Только и осталось что крест романовский.

Да, крест, что великая княгиня «завещала в храм передать», так у Ваньки и остался, как маманя ни напирала. Да оно и понятно. Вышло так. Мать Ваньку в тот же день в храм гнала, крест нести, а только как? Весь город как улей гудел после «побега» великих князей, а всех, кто на шахту ездил, Старцев с товарищами под плотное наблюдение взял. Ванька даже побаиваться стал, как бы не расстреляли как ненужных свидетелей или еще чего не случилось. А то вон Семен Постников, из их же, заводских, и тоже на шахте был, на другой день напился в каком-то кабаке и давай болтать кому ни попадя, что Романовых самолично на тот свет отправил. Ну и чего вышло? Пропал Постников, сгинул. Сколько жена по городу ни бегала, слезы ни проливали, пропал, и все, концы в воду. А в ЧК сказали, наверное, пьяный в речке утоп. Может, и утоп, им виднее. А только Ванька не такой дурак, он лишнего не болтал, все больше помалкивал и из дома лишней раз ни ногой. А тут еще Петруха захаживать стал. Мать-то днем в огороде, а он шмыг к Ваньке в избу и давай уговаривать, продай крест да продай, хоть заживем как люди. Земли можно купить, а то дело свое откроем, например, лесом торговать. А новая пролетарская власть – она так, временно, вон ее уже теснят отовсюду, адмирал Колчак на Екатеринбург идет, не сегодня завтра попрут совдеп к такой-то матери. Ванька сильно тогда боялся, как бы с ним беды не вышло, и даже всерьез стал раздумывать, а не снести ли и вправду крест в церкву, грехи свои замолить, авось Богородица сжалится, убережет от напастей? А потому, слушая Петруху, сам отмалчивался, но братнины разговоры сильно в голове застредали. Стали ему мерещиться дом каменный, коляска со справной лошадей, самовар большой медный и прочее в том же роде. А мать, наоборот, если Петра видела, сразу ругаться начинала, Божьей карой грозила и проклясть обещала до скончания времен. А Ваньку все стыдила, что крест не отдал, обещание не сдержал. Вот Ванька и маялся, не зная, куда податься да кого послушать, а потом еще хуже стало. Когда белые в наступление двинулись, чекисты совсем озверели, пошли народ направо и налево хватать, куда уж тут с крестом. А потом пришли белые, и начались новые чистки да аресты. Еле ноги унес, а крест, ясное дело, с собой прихватил, и уж теперь-то точно продать придется, а что делать? Вот только бы надежного человека найти, чтобы не обманул. Ворочался Ванька с боку на бок полночи, и усталость его не брала, пока не надумал с Евграфом Никаноровичем посоветоваться, тот, сразу видно, мужик ушлый, авось что подскажет. С тем и уснул.

– Ну что, парень, выспался? Тогда будьте здоровы, крестнику поклон, – все так же нелюбезно встретил поутру Ваньку Евграф Никанорович, когда тот осмелился покинуть свой чулан и, робко постучав, вошел в избу.

– Благодарствую, – поклонился Ванька, топчась на пороге.

– Ну чего еще? Денег не дам, – жестко отрубил хозяин, сверля гостя тяжелым взглядом.

– Да нет, я не про деньги. Мне бы человека надежного найти... Вещицу одну продать, – неуверенно начал Иван, глядя на Евграфа Никаноровича и соображая, как бы не дать маху и лишнего не сболтнуть.

– Вещицу, какую еще вещицу? – равнодушно спросил Евграф Никанорович, но глаз его сверкнул заинтересованно.

– Да так, ничего особенного, памятка папанина. Ерунда, конечно, а все ж сколько-то за нее выручу. Хоть на первое время с голоду не помереть, пока работу не найду.

– Ерунда, говоришь... – задумчиво протянул Евграф Никанорович. – Гм. От папани? Папаня твой вряд ли что-то, кроме пары латаных валенок, мог тебе оставить, тиснул небось у кого-нибудь. Ну да ладно, не тряпись, не выдам, – глядя с усмешкой в побледневшее Ванькино лицо, пообещал кум. – А договоримся так. Я сведу тебя с надежным человеком, а ты мне заплатишь двадцать процентов от того, что выручишь. А нет, ступай восвояси.

– Двадцать процентов? Это за что же? – опешил от такой наглости Ванька. – Да оно и не стоит ничего!

– Я же сказал, за надежность. И добавил, не нравится – скатертью дорога, – усмехнулся Петрухин кум. Ух, и ушлый мужичонка! – И обмануть меня не надейся. Ну, так как?

– Ладно, – нехотя согласился Иван, преодолевая жадность. Все одно деваться некуда. – Согласен.

– Ну а раз согласен, проходи, чаем напою, а затем ты посидишь у себя в чулане, а я по делам схожу, переговорю с нужным человеком. В избе не оставлю, пожгешь еще, не дай Бог, или упрешь чего. А так что ж, гости покудова.

Ванька валялся в чулане на тулупе, положив под голову подушку, у Евграфа выпросил, и размышлял, сколько за крест можно выручить и как эти деньги разумнее потратить.

Брат считал, что за крест несколько тысяч дадут, а если какой-нибудь верующей купчихе продать, так и больше. Но где сейчас этих купчих искать по нынешним тревожным временам? Нет, не до жиру. Но если и пару тыщ «старыми» получить, и то огромные деньжищи. Жалко, нельзя сказать, чей крест, а то бы можно было и дороже загнать, ну да ладно. Чего мечтать о несбыточном.

А вот как лучше потратить деньги, вот в чем хитрость. Землю купить, конечно, можно, но вот только ни он, ни Петруха никогда не крестьянствовали, с какого конца взяться, непонятно. Не, лучше все же мастерскую какую открыть или магазин.

Ванька сладко потянулся, положил руки за голову и, прикрыв глаза, тут же представил, как он этаким барином с коляски слазит перед собственным магазином, сам в перчатках и с тросточкой. А навстречу ему Петруха в приказчиьем фартуке, в шелковом жилете, а еще мужика надо на дверях поставить солидного, вот типа Евграфа Никаноровича, обрядить его как положено, пусть важным господам двери открывает. А торговать можно, например... Тут у Ивана заминка вышла. Что богатым господам больше нравится, конфеты, например, или, скажем, шляпы, а может, женскими панталонами торговать? Приснул Ванька, представив себе, как к нему в магазин всякие хорошенькие дамочки заходят. Тут его мысли приняли совсем другое направление.

Жениться ему будет надо. Вот что. И жену взять непременно с приданым, и лучше из купеческих, чтобы дело разумела. Дальше все пошло про приятное, и Ванька не заметил, как захрапел, а проснулся, только когда Евграф Никанорович его за сапог подергал.

– Вставай, кум, – с усмешкой проговорил хозяин, – пойдем выпьем, чтоб завтра все без сучка, без задоринки прошло, договорился я.

– Да ну? – обрадовался Ванька, поднимаясь, и услышал, как у него с жидких хозяйских чаев да луку в животе бурчит. – Выпить – это хорошо, закусить бы.

– Закусим, – пообещал Евграф Никанорович, выходя из кладовки.

– Полы-ынь горька-я ты в по-оле трава-а... – тоскливо тянул Иван, положив на руку тяжелую голову.

– Полынь-трава... – подтягивал следом Евграф Никанорович. На столе стояла почти допитая бутылка самогона, тарелка с солеными огурцами, нарезанный хлеб, чугунок с картошкой, сало, пировали хозяин с гостем уже давно.

У Ваньки настало то блаженное состояние, когда весь мир обнять хочется, по лицу его катились счастливые слезы, и он то и дело крепко целовал в худую щетинистую щеку кума Евграфа и удивлялся, как это он ему так сперва не понравился. Золотой мужик!

Песня путалась, застревала, Евграф Никанорович предложил еще по стопке, чтобы гладко прошло. Выпили, снова затаили, но тут Ванька засопел, тихонько хрюкнул и уткнулся носом в скатерку.

– Отвяжитесь, ироды, сплю я! – брыкнул ногой Ванька, чувствуя сквозь сон, как тормозит его кто-то. – Уйди, мамань, сплю я. – Он махнул рукой и повернулся на бок, подо-

ткнув тулуп поплотнее. Снова теплый уютный сон навалился на него, и снова кто-то принялся легонько тормозить его. – Да чтоб вас... – пробормотал он и разлепил с трудом одно веко, и тут же почувствовал, как кто-то ловко шарит у него за пазухой.

Сердце Ванькино сжалось, а мозги враз прояснились. Крест ищет, сволочь! Какая именно сволочь, само потом всплыло, сперва Ванька за руку ворюгу цапнул.

– Куды лезешь, сука? – прорычал пересохшими губами.

Но Евграф оказался мужиком не слабым, не смотри, что худой, Ванька еле-еле его под себя подмял и уж хотел было в горло вцепиться, да не успел, тюкнул его кум чем-то по голове, падла. Да так, что свет погас.

Глава 5

8 июня 2018 года. Санкт-Петербург

– Итак, основные сведения о семействе Масловых нам теперь известны, – строго поглядывая на оперативников, подвел итог совещания Игорь Михайлович. – Первым делом нам необходимо проверить алиби членов семьи и прислуги. Жуков, займись прислугой. С Масловой я пообщаюсь сам. А Саша Туров пусть встретится с заместителем покойного и выяснит что сможет по поводу дел служебных и финансовых убитого Маслова. Побеседуй с секретаршей, сотрудниками. С Кобзевым я уже договорился. Ну а дальше будем думать. Может, конечно, у кого-то есть свои соображения? – спохватился Игорь Михайлович.

– Пока нет. Будем работать, – поднимаясь, проговорил Саня.

Вот именно, будем работать.

Инну Маслову Игорь Михайлович представлял себе довольно подробно. Девушка, выскокившая в девятнадцать лет замуж за старика, была для него ясна и прозрачна. Разумеется, сейчас ей уже значительно больше, вон какой сын взрослый вырос. Но суть человека с годами не меняется. А потому капитан заранее продумал тактику допроса. Учитывая тот факт, что покойный был чиновником, а не бизнесменом, версия личных мотивов представлялась Игорю Михайловичу наиболее правдоподобной. Особенно учитывая факт наличия молодых красавцев на заднем плане фотографий с вдовой. Потому Игорь Михайлович выбрал для разработки наиболее перспективное направление, послав ребят отрабатывать второстепенные версии.

Стереотипы – вещь универсальная. Они помогают людям с неразвитой фантазией мгновенно выстраивать видеоряд к любому рассказу. Бандит – лысый, здоровый, с «чисто конкретной» цепью на шее. Врач – белый халат, очки, тихий голос. Дворник – выходец из Средней Азии. Полицейский – неряшливый, хамоватый, продажный. Жена состоятельного человека – жадная, глупая, глянцева дура. Все просто, все ясно, все по полочкам. Но иногда, а если вдуматься, то довольно часто стереотипы не срабатывают, давая сбой и ставя человека в неловкое положение.

Нет, в неловкое положение Игорь Михайлович не попал, но удивлен был. А еще ему пришлось на ходу отказываться от заранее составленного плана допроса, а это всегда плохо, лучше уж совсем не готовиться, понадеявшись на экспромт, чем выбирать из самим себе установленных рамок. А потому разговор с Инной Масловой с самого начала пошел наперекосяк.

– Инна Анатольевна, возможно, мой вопрос покажется вам странным, но все же – вы любили своего покойного мужа? – приступил к беседе Игорь Михайлович, весьма комфортно расположившийся в мягком просторном кресле в элегантной гостиной Масловых.

«Безутешная вдова» Инна Анатольевна, подтянутая, ухоженная, без каких-либо следов безутешных рыданий на лице, сидела напротив, спокойно взирая на гостя.

– Разумеется. Мы прожили с мужем больше четверти века, вряд ли это было бы возможно без взаимных чувств и уважения, – спокойно ответила она, и была права. Без взаимного уважения и чувств это было бы затруднительно, вопрос в том, что за чувства связывали супругов.

– Уважение – это хорошо, это здорово, но все же, – с ноткой недоверия уточнил Игорь Михайлович, – у вас такая разница в возрасте... Юрий Кириллович был пожилым, очень занятым человеком, плюс проблемы со здоровьем... А вы молоды, красивы, не обременены домашними хлопотами, неужели вам не бывало... одиноко или скучно?

– Намекаете на любовника? – холодно усмехнувшись, проговорила Инна Анатольевна. – Вы были на осмотре места преступления? Я имею в виду, вы видели тело моего мужа?

– Да, – не совсем понимая, куда клонит вдова, произнес Игорь Михайлович.

– Мой муж был, конечно, не молод, но держал себя в хорошей форме. Это первое. Второе – я тоже уже не девочка, и гормоны во мне давно уже перегорели. Когда мы только поженились, я была очень молода, неопытна и восхищалась Юрием. Он был взрослым, сильным, влиятельным, а еще очень умным, заботливым, он окружил меня таким вниманием и любовью, что для меня перестали существовать все прочие мужчины. А сверстники казались жалкими, безмозглыми щенками. У нас родился сын, я окончила университет, потом аспирантуру, кстати, все это во многом благодаря Юрию. После рождения Ильи я была готова бросить учебу, но муж сказал, что мне надо расти, самосовершенствоваться, чтобы стать зрелой личностью, самодостаточным человеком, интересным себе и окружающим. И он был прав. Но вот именно став зрелой, самодостаточной личностью, я впервые испытала искушение. Я все еще была молода, но уже не зеленая девчонка, а зрелая женщина. Мои сверстники тоже выросли, поумнели, чего-то добились в жизни. Они были молоды, энергичны, от них веяло свежестью и первым серьезным успехом. Однажды в гостях у знакомой я встретила бывшего однокурсника. Когда-то я ему нравилась, он пытался ухаживать за мной, но безуспешно. И вот спустя столько лет мы снова встретились. Признаться, я потеряла голову. Я была замужем, он был женат, у обоих дети. Роман развивался стремительно, я ничего не замечала вокруг, жила от свидания до свидания, даже Илью не замечала. А Юра, оказывается, все знал, но молчал, ожидая развязки. Не прошло и полгода, как мы оба готовы были развестись, бросить все. И вот тут-то у Юры случился первый инфаркт. Случился ночью. Мы лежали рядом, у него прихватило сердце. Неотложка, реанимация, несколько дней на грани жизни и смерти. Я словно прозрела. Когда мне разрешили пройти к нему в реанимацию, он поднял на меня глаза и посмотрел как на палача. Нет, не так. Как... как будто в тот миг решалась его судьба, жить ему или умереть. В тот же вечер я позвонила Денису, и мы расстались. Навсегда. Больше я его не видела. Это было так мучительно больно, словно по живому ампутировали руку или ногу.

Юра быстро шел на поправку, а я... Я стала другой. Во мне будто что-то умерло. Мы продолжали жить дальше, хорошо, дружно. Ездили отдыхать, отмечали праздники, ссорились, мирились, растили сына. Но из нашей жизни ушло безвозвратно что-то главное. Любовь, наверное? В последние годы я часто думаю о том, что, спасая жизнь мужа, я принесла слишком большую жертву.

– А что случилось с вашим... возлюбленным? – не сразу смог подобрать слово Игорь Михайлович.

– Он спился. Все потерял. Последние годы я ничего о нем не слышала, – сухо, коротко сообщила Инна Анатольевна.

– Ясно. Ну а в последние годы у вас случались увлечения?

– Увлечения? Нет. Скорее уж развлечения. Легкие, краткосрочные, ни к чему не обязывающие. Юрий о них знал. Но всегда отмалчивался, и знаете, от этого становилось как-то особенно гадко. От этого веяло трусостью и слабостью. Как-то незаметно, постепенно он перестал быть тем человеком, которого я полюбила. Жалость – вот то чувство, которое я в последнее время испытывала к собственному мужу. И если бы он не погиб, то, возможно, в ближайшее время оно переросло бы в презрение, это был бы окончательный крах. Жить с человеком, которого презираешь, невозможно.

– В последнее время у вас случались «развлечения»? – не дал увести себя в сторону Игорь Михайлович. Разговор ему был неприятен. Попытка Инны Масловой придать обыкновенному разврату образ высокой драмы была ему противна.

– Нет. Наскучило. К тому же я была занята ремонтом квартиры. Увлекательное занятие. Вот думаю, не заняться ли дизайном всерьез?

– Отчего же не попробовать, – со светской любезностью согласился Игорь Михайлович. – Инна Анатольевна, кто, по вашему мнению, убил вашего мужа? Не поверю, что такая умная

женщина, как вы, не размышляла над этим вопросом. – Да, Маслова была умна. Очень умна. И в этой связи стоило выяснить: что было выгоднее для вдовы, смерть супруга или жизнь?

– Задумывалась. У меня нет конкретных версий, но могу с уверенностью сказать, что мотивы убийства определенно носили деловой характер. Никому из членов семьи смерть Юрия не была выгодна.

– Под членами семьи вы подразумеваете себя и Илью Юрьевича?

– Нет. Также детей Юрия от первых двух браков. А еще внуков и бывших жен.

– Их много?

– Хватает. Представить список?

– Был бы благодарен.

– Оставьте адрес вашей электронной почты, я пришлю вам полный список с адресами и номерами телефонов, – щедро пообещала Инна Анатольевна.

– А что же у государственного служащего могли быть за дела, приведшие его к такому финалу? – задал Игорь Михайлович вдове вполне логичный вопрос.

– Господин Русаков, вы не производите впечатление наивного человека. Взгляните вокруг, неужели вы думаете, что все это приобретено на зарплату государственного чиновника?

– А на какие средства это приобретено? – состроив простодушную гримасу, поинтересовался Игорь Михайлович.

– Как вам, безусловно, известно, мой покойный муж возглавлял один из комитетов в правительстве города. У него были деловые интересы. Точнее, – поправилась Инна Анатольевна, – у бизнесменов города имелись к мужу деловые предложения. Он помогал в продвижении проектов, они его благодарили. Иногда он отказывался от участия или же представлял интересы одной из конкурирующих сторон. Остальное раскапывайте сами.

– Вам вообще все равно, раскроем мы это убийство или нет? – с искренним интересом спросил Игорь Михайлович.

– Представьте себе, что да. Раскроете вы его или нет, для моей дальнейшей жизни не имеет значения, – пожала она плечами.

Очаровательная особа, заключил для себя Игорь Михайлович. Но адрес и телефон «любви всей ее жизни» у Инны Анатольевны попросил. Кто знает, а вдруг?.. И про молодого человека на фото спросил, не забыл.

Прислуги у семейства Масловых, к счастью, оказалось немного. Охранник тире сторож, постоянно проживавший на территории загородного особняка в отдельном доме. Прапорщик в отставке. Недалекий, хозяйственный, умеренно пьющий. Горничная, она же уборщица, беженка из Донбасса. И кухарка Ольга Львовна, крупная пятидесятилетняя дама, уроженка Петербурга.

Сидя в домике охранника возле окошка, Пашка Жуков видел, как по дорожке к хозяйскому крыльцу проследовал Игорь Русаков. К Русакову Пашка относился неоднозначно. Вроде неплохой мужик, не вредный, не заносчивый, но вот остальные сотрудники районного отделения его отчего-то недолюбливали, а еще смутно поговаривали о каких-то связях Русакова, о влиятельных родственниках и даже о богатстве. Но как-то неконкретно. А сам Русаков, несмотря на связи и родственников, почему-то служил в районном отделе, в должности капитана. Что-то здесь не стыковывалось, но до сих пор поводов подумать о загадочной личности капитана у Пашки не находилось, да и сейчас было недосуг. Потому как хозяин домика, отставной прапорщик Василий Васильевич Пяткин, вошел в комнату со сковородкой в руках, любезно приговаривая:

– Сейчас кваску холодненького попьем и картошечкой, жаренной на шкварочках, закусим. Возьми-ка бутылку из-под мышки. Во-от.

Василий Васильевич был крепким, загорелым, с большими, как лопаты, ручищами, грубыми и сильными.

– Уважаю шкварки. Жена всегда раньше так жарила, – раскладывая вилки, хлеб и огурцы с помидорами, рассказывал Василий Васильевич.

– А сейчас она где?

– Умерла от рака. Три года назад. Дочка замуж вышла. Ребенка родила, я с ними помаялся, покрутился у них под ногами. Вроде в своем доме, а вроде как и лишний, и плюнул. Оставил им с зятем квартиру, а сам вот на старости лет в услужение подался, – усмехнулся Василий Васильевич. – А мне так спокойнее. Свой дом. Работа плевая. Что на своем участке бы горбатился бесплатно да еще замечания от дочки с зятем выслушивал, что тут за деньги. Условия хорошие, хозяйева лишний раз не лезут. Если готовить лень, пошел на кухню, Ольга накормит. Санаторий, а не жизнь. Правда, как дальше будет, непонятно. Инна-то, наверное, дом продаст? Не знаете?

– Нет. Понятия не имею.

– Жаль. Привык я тут, жуть как съезжать не хочется. Может, удастся к новым хозяевам попроситься? – размышлял Василий Васильевич, жуя картошку.

– Попробуйте, – кивнул Паша. – Василь Васильич, а что за люди Масловы?

– Что за люди? Обыкновенные, – пожал плечами прапорщик. – Хозяин пахал с утра до ночи, сын – оболтус великовозрастный. А жена, как все бабы, от скуки по магазинам да подружкам скакала. Ну еще, понятно, всякие там СПА да вечеринки. Денег-то куры не клюют. А что ей еще делать? Внуков нет, работы нет, даже хозяйством и тем не займешься, не престижно. Вот и маялась. А в остальном все как у людей.

– А не ругались супруги? Не было скандалов у них? Может, изменял кто кому, все же Маслова помладше своего мужа.

– Вот этого не знаю, это лучше в доме спросить, – пожал плечами Василь Васильич. – А с виду жили ничего, прилично. Сын, конечно, тот еще кобель, девок все время таскал. Ну так его дело молодое, перебесится, а в остальном тоже вполне приличный парень. Никогда не грубил, вежливый, работает, не наркоман.

– Ясно. А вот накануне убийства и на следующий день что тут было, приезжал к ним кто-нибудь, может, гости? И сами хозяйева что делали?

– Да я уж вроде все рассказал вашим, когда приезжали тело забирать, – почесав лысеющую макушку, проговорил Василь Васильич.

– А все-таки в тот день суета была, волнение, может, что-то упустили. А? А сейчас не торопясь посидим вместе, повспоминаем, – не отстал Пашка.

– Ну давай попробуем. Значит, про какой день вспоминать будем?

– Про шестое июня.

– Позавчера, стало быть. Ну, так. Утром Юрий Кириллович, как всегда, на работу уехал. Сын попозже тоже умотал. Алинка в доме прибиралась, Ольга приехала попозже. Потому что она в тот день как раз за продуктами ездила.

– А на чем?

– У нее машина есть своя, а хозяйева на бензин подкидывают. Ольга баба самостоятельная, – с уважением проговорил Василий Васильевич. – Ну вот, значит. Инна в отъезде была. До вечера у нас тихо было. Ни гостей, ни хозяев. В четыре часа Ольга уехала. Она так часто делает, если хозяйки нет. Приготовит ужин и уезжает, а разогревает хозяин сам, в микроволновке. Ольга уехала, и Алинка с нею, Ольга ее до остановки подвозит. Я остался один. В восемь вернулся хозяин, а я около девяти на рыбалку уехал, здесь недалеко, а у меня мопед, старенький. Я же у них не охрана, а так, вместо сторожа, за домом присматриваю. Так что Юрий Кириллович домой, а я на рыбалку.

– А что, здесь рыбалка хорошая есть? – заинтересовался Паша.

– Да нет. Откуда? Так, кошке вон на закуску подлещиков надергал. – Опустив руку, он погладил трущуюся возле стола черную, лоснящуюся, похожую на пантеру кошку.

– А чего тогда ездите?

– Природой полюбоваться, воздухом подышать, и вообще, – пожал плечами Василь Васильевич. – Вроде как отдыхаешь, а вроде как и при деле.

– И во сколько вы вернулись?

– Около полпервого. Я еще в магазин заехал в поселковый, потом в шиномонтаж при дороге, у нас круглосуточный есть. У меня там приятель работает, поговорили немного, а потом уже домой.

– Когда вы приехали, свет в доме еще горел?

– Нет. Света я не видел. Но ведь хозяйская спальня и кабинет окнами на ту сторону дома выходят, а это я уж не проверял.

– А возле дома ничего подозрительного не заметили? Машина посторонняя или человек какой-нибудь попался навстречу?

– Нет, ничего такого. И на территории все было тихо. У нас вечером освещение, фонтанчик работает с подсветкой, – не без гордости поведал Василь Васильевич. – Все было тихо. Гараж закрыт, дверь в дом тоже. Я к себе и пошел. Посмотрел телик, рыбу почистил и часов около двух спать лег. Ночью ничего не слышал и не видел.

– А наутро? Вас не удивило, что Маслов утром на работу не поехал?

– Нет. Он, бывало, мог очень рано из дома уехать, а мог и до обеда просидеть, а то и позже. Не часто, конечно, но случалось. Да и вообще, я же ему не жена, чтобы с такими вопросами лезть. Мое дело – газон подстричь, кусты, мусор вывезти, ремонт мелкий.

– А кухарка с горничной – они во сколько появились?

– Ольга вчера выходная была. Она с Инной заранее договорилась, чтоб через день ездить, пока хозяйки нет. И Алинка, когда хозяйка в отъезде, через день приходит убираться. Мне так кажется, что Инна не хочет, чтобы без нее молодая баба в доме крутилась, – чуть понизив голос, признался Василь Васильевич. – Только ты уж меня не выдавай, это я так, предполагаю. Во всяком случае, любая нормальная женщина так бы рассудила.

С этим Пашка был согласен, хотя Алины пока еще и не видел.

– А сейчас они обе на месте?

– Сейчас да, хозяйка же вернулась, так обе на посту.

– Да, и по поводу вчерашнего дня, – спохватился Паша. – Хозяина вы не видели, персонал не появлялся, а кто появлялся?

– Так Илья с очередной пассией появился. Аппетитная такая девица, в шортах спортивных, в майке, все наружу. Думал небось, что отца нет. Хотя ему по большому счету все равно, – махнул рукой Василь Васильевич. – Такой уж он у нас. Но вообще парень неплохой. К людям с уважением. Не грубит никогда, всегда поздоровадается. С праздником поздравит, не забудет. Неплохой, в общем-то, парень, хоть и балбес.

– Хорошо. Значит, приехал Илья, и что было дальше?

– Дальше. Я в это время кипарисы вдоль ограды ровнял. Он выбежал из дома сам не свой, говорит, отца убили. Я, конечно, пошел посмотреть. Девица в гостиной сидит, воеет, по мне, так больше притворяется, орет, чтобы ее немедленно домой отвезли, а в спальне на кровати Юрий Кириллович. Илья полицию еще до меня вызвал, он еще «Скорую» хотел, да чего уже там «Скорую»? Сразу видно, что поздно. Ну вот и все. Я с ним за компанию посидел, подождал, ну а уж когда ваши приехали, да еще приятель Юрия Кирилловича, я к себе ушел, чтоб под ногами не путаться.

– А Илья сильно расстроился, когда отца нашел?

– Еще бы! Лица на нем не было, руки тряслись. Все ж отец родной.

– М-гм, – промычал неопределенно Пашка. – Ну что ж, спасибо за сотрудничество, пойду с женщинами пообщаюсь.

– Да не за что. Заходи, если что, – любезно пригласил Василь Васильевич, прибирая со стола.

Дом у Масловых был роскошный, из желтого кирпича, с витыми чугунными перилами балконов, с лепными наличниками окон. Монументальное строение, не то что сборный «бутерброд» на даче у родителей. Эх, кому колбаса, а кому шкурка, завистливо вздохнул Пашка, входя в дом. Дверь ему открыла высокая, крепко сложенная девица около тридцати, с густыми черными волосами, в форменном синем платье до колена и в белом фартуке. Сразу ясно – прислуга.

– Здравствуйте. Вы тоже из полиции? Ваш коллега сейчас с хозяйкой в гостиной разговаривает, – без лишних церемоний пояснила горничная.

– Я знаю, но мне не к нему, мне к вам, – улыбнулся ей Паша. – Где мы можем побеседовать?

– Пошли на кухню. Или в прачечную можно, там тоже стулья есть, – предложила Алина.

– Давайте в прачечную, – решил Паша. На кухне наверняка вертится кухарка, а он предпочитал беседовать со свидетелями по одному.

– Вот, заходите, – распахивая дверь в небольшое светлое помещение, пригласила Алина.

Здесь стояли две машины, стиральная и сушильная, стояла гладильная доска, стол с несколькими утюгами, от маленького и ловкого до здорового агрегата на высокой платформе, бельевой шкаф, корзины с бельем и еще всякая всячина. Здесь же имелись небольшой столик и два стула.

– Садитесь, – пригласила девушка, устраиваясь возле стола. – Мой кабинет, – насмешливо обвела она рукой помещение.

– Алина, расскажите мне, кто, по вашему мнению, мог убить Юрия Маслова? – рубанул сплеча Павел.

– А я откуда знаю? – вытаращилась на него горничная. – Но уж точно не я.

– Да? А сторож ваш Василий Васильевич мог убить? – тут же ухватился за ее слова Паша.

– А я почему знаю, – резко дернула плечами горничная, но, подумав, добавила: – Но вообще-то, мог бы, наверное. Он же военный. И в горячих точках служил.

– В горячих точках? А вы откуда знаете?

– Ну как? Мы же, бывает, сидим, чай на кухне пьем или перекусываем, разговариваем, вот и знаю. Сам говорил.

Действительно, служба в горячих точках могла бы объяснить мастерски нанесенный в сердце удар.

– Значит, Пяткин мог бы убить хозяина?

– Наверное. Только зачем ему? – словно размышляла вслух Алина. – Разве что...

– Что?

– Ну даже не знаю...

– Алина, я тут не сплетни собираю и не в бирюльки играю, я расследую убийство, и если вы будете чинить препятствия следствию, я вас задержу на несколько суток. Проще говоря, посажу в тюрьму, – строго произнес Павел.

Алина взглянула на него с явным сомнением, но все же заговорила:

– У Васильевича в последнее время были с хозяином некоторые разногласия.

– Например? – поторопил Павел, но Алина спешить была не намерена, наоборот, сидела, нахмурившись, и молчала. – Алина, в чем дело? Вы боитесь чего-то?

– Ага. Увольнения.

– У хозяина были с женой проблемы?

– Вроде того.

– Какие?

– Я не знаю. С виду вроде все благополучно, тихо, гладко. Но спят они последнее время в разных спальнях, и, как мне кажется, постели между ними давно уже нет. – Тут Алина наклонилась к Паше и совсем уж на ухо зашептала: – Хозяйка-то погуливает иногда на стороне, хоть и не часто, а вот хозяин... он жену свою любил. Но почему-то прощал ей все. Хотя с остальными очень жестким мог быть, уж я это точно знаю, – многозначительно вытаращив глаза, проговорила она. – Ну и вот, – тут она снова наклонилась к Паше, – у хозяина с Ольгой Львовной отношения были.

– С Ольгой Львовной – с поварихой, что ли? – уточнил Павел.

– Именно. Не роман, конечно, а так, для здоровья. Изредка. И когда хозяйка в отъезде бывала...

– Ничего себе! – присвистнул Паша.

– Тише вы, – шикнула на него Алина. – Только меня не выдавайте. А то я сразу же от всего откажусь. А то меня с работы выгонят, а мне семью кормить. Так что слушайте сейчас. Потом повторять не буду. И если что, я не я. Ясно?

– Ладно, выкладывайте, – согласился Павел.

– Ну так вот. Ольга наша – она одинокая, с мужем давно в разводе. Ей чего? Переспали и переспали, Маслов ей еще и подарок хороший подарит, чем плохо?

– Действительно. И при чем здесь Пяткин?

– Вот. При том, что он на Ольгу тоже виды имеет. Только серьезные. Он вдовец. Дочка у него, зять и внук, скоро второй родится. Квартира двухкомнатная. А у Ольги и сын, и дочка хорошо устроились, свое жилье имеют, а Ольга одна в двухкомнатной квартире осталась. Да еще и не старая. И хозяйственная. И машина у нее есть. Вот Васильевич и стал к ней клинья подбивать. В женихи набиваться. Ольга вроде и не против, но и близко не подпускает. А тут Маслов со своими интересами. Васильевич, понятное дело, ревнует. Где ему с хозяином тягаться? Тот хоть жениться и не собирается, а все же кому приятно, чтобы с твоей женщиной так вот.

– Значит, сторож Пяткин ревновал кухарку Ольгу Львовну к Юрию Маслову, – подвел итог Павел.

– Ну да. Да и вообще. У Пяткина возраст, ему жизнь надо устраивать, а хозяин клин между ним и Ольгой вбивает. Васильевич последнее время очень злился. Даже при мне раза два хозяина похотливой скотиной обозвал. И говорил, что с удовольствием бы его кастрировал.

– Даже так? – обрадовался Паша, дивясь, до чего у пенсионеров насыщенная личная жизнь. Одной ногой на кладбище, а туда же. – Еще что-то сообщить можете?

– Еще? Нет. Больше ничего, – покачала головой Алина, и Павел отправился на кухню, велел горничной из прачечной до его ухода не высываться.

Кухарка Ольга Львовна Строева была женщиной видной, несмотря на возраст. Не меньше пятидесяти пяти, а то, может, и поболее. Лицо гладкое, румяное, нос ровный, глаза строгие, но с улыбочивыми морщинками вокруг. Одета в голубые брюки и такую же курточку, все крахмальное, словно у медсестры в операционной. И на кухне чистота. Кухня просторная, красивая. Мебель синяя, а столешницы белые, ручки шкафчиков с финтифлюшками. Красиво, в общем.

– Вы ко мне, молодой человек? – откладывая в сторону разделочный нож, спросила Ольга Львовна. Назвать ее кухаркой у Павла теперь бы язык не повернулся. Скорее уж повар. Да, именно. Повар.

– Да. Лейтенант Жуков, следственный отдел.

– Проходите. Садитесь, – властно распорядилась Ольга Львовна, убирая нож и споласкивая руки. – Спрашивайте, что хотели.

С Ольгой Львовной Павел решил не финтить, не тот типаж. А потому рубанул сплеча:

– У вас был роман с покойным?

– Доложили? – усмехнулась Ольга Львовна. – Романом я бы это не назвала, но отношения были.

– Какого рода?

– Обычного, какие между мужчиной и женщиной бывают, – повела она покатыми полными плечами. – С Инной-то у них давно уже все разладилось. С виду все гладко, а на деле... – Она махнула рукой. – Инна уже давно своей жизнью живет, он своей.

– А что же он именно вас выбрал, мог бы себе помоложе, поинтереснее найти? – совсем уж бестактно поинтересовался Паша.

– В том-то и дело, что не мог. И развестись не мог.

– Почему это?

– Потому что в свое время все имущество и бизнес на эту лису оформил. На Инну. Вы ее еще не видели? – Паша покачал головой. – Ну ничего, еще полюбуетесь. Ведь Юрий-то, когда на ней женился, она совсем девчонка была, двадцати еще не было. А он взрослый мужик, женатый, сын у него подрастал. И ведь жена его прежняя, Виктория Олеговна, красавица была. Умница, любила его.

– А вы сколько лет у Масловых служите, что так много о прежней жене знаете?

– Служу недолго, лет пять. Когда на работу устраивалась, застала в живых мать Юрия Кирилловича Валентину Михайловну, она три года назад умерла. Чудная женщина, старая уже была, а в своем уме до самого конца была. Так вот она Викторию очень любила и всегда на свой день рождения приглашала. И ее, и всех внуков. Инне это, конечно, не нравилось, но терпеть приходилось.

С первой-то женой, Светланой, Юра плохо жил. Поженились, еще когда студентами были, сразу ребенок родился, денег нет, пеленки, распашонки, а еще молодые, вроде как и погулять охота. Начались ссоры, скандалы, они тогда еще с Валентиной Михайловной жили. Так что она в курсе. Внука очень жалела старшего. Из-за него Юрий Кириллович так долго на развод и не подавал. А когда все же решился лет через пять, дочка родилась. Но все равно толку с этого не вышло. Разбежались. А с Викторией он уже после развода познакомился. Она его младше была лет на пять, умная, интеллигентная, добрая, и поженились они по любви. Сын у них родился. И жили-то душа в душу. Пока Юрий с этой вот, – презрительно мотнув головой в сторону комнат, проговорила Ольга Львовна, – не познакомился.

– А вы не боитесь так про хозяйку, вдруг с работы выгонит?

– Нет. Я за место не держусь, мне с моей квалификацией работу найти не сложно, и не горит мне, есть на что жить. Не то что Алинке. Она, бедная, все в Донбассе потеряла. И жилье, и мебель, и работу. Все бросила и сюда подалась детей спасать, когда в их дом бомба угодила. Их-то подъезд не пострадал, а два других – в труху. Людей погибло – ужас. И детей, и взрослых. Вот после этого она чемоданы собрала, что влезло, запихала и сюда, в чистое поле. Повезло еще, что к Юрию устроилась, он ей и с гражданством помог, и вообще. А еще она Инне очень приглянулась, уж не знаю чем. Может, тем, что на нас с Василием стучала да за Юрием следила. А может, и просто понравилась? В любом случае я на нее не в обиде. Ей выживать надо.

Ну так вот. Инна ее в свою квартиру поселила, что ей давно еще от бабушки досталась. Скромненькая двушка в спальном районе, а все ж за так. Инна денег с нее не берет.

Надо же, удивился про себя Павел, отметив, что, видно, Алина девушка непростая, раз сумела так к хозяйке в доверие втереться, притом что та и сама не льком шита.

– Значит, работу вы потерять не боитесь? – вернулся он к Ольге Львовне.

– Нет. Наоборот, уже сказала Инне, что работать не буду, но она попросила недельку с увольнением подождать, я вроде как обещала, – с сожалением проговорила Ольга Львовна.

– Ясно. Так что там со второй женой?

– Ах да. С Викторией. Жили хорошо, пока Юрий с Инной не познакомился. Обычно романы с такими малолетками ничем не заканчиваются. Ну погулял на стороне и назад к люби-

мой жене. А тут нет. Инка настолько ушла, оказалась, что развела его с Викторией. А Юрий тогда уже положение имел, хорошие перспективы, машину, иномарку, деньги, по заграничным курортам семью возил. Вот Инка и вцепилась. И ведь развела. Валентина Михайловна ее до конца жизни недолюбливала, никак простить не могла.

– Ну а когда же у покойного отношения с женой испортились и почему он с ней просто не развелся? – решил вернуться к делам сегодняшним Паша.

– Да тут все просто. Юрий-то чиновник. Бизнесом заниматься права не имеет. Вот он все на Инку и оформлял. И недвижимость на нее, и завод в Германии, и ценные бумаги, и еще что-то. Так что, когда встал вопрос о разводе, Инна ему быстро объяснила, что от нее он уйдет только с голой жопой. Извиняюсь.

– А чего ж она сама с ним не развелась?

– Потому что тоже не дура. Одно дело владеть, другое дело управлять. А еще, не дай бог, отберет кто-нибудь из компаньонов или обманет. Инна же не бизнесмен, а обычная стерва. Вот и жили в симбиозе взаимной ненависти и страха. Это мне Юра давно еще объяснил, когда у нас все только началось.

– А как же Инна допустила, что муж ей с прислугой изменял?

– А ей что? Только лучше. Чем он какую-нибудь на стороне найдет, так лучше со мной, под ее присмотром. А Юрию от меня не столько это дело надо было, возраст все же, сколько просто человеческое участие. Вот так и жили.

– А сын их, Илья, кажется, он что же? Он как воспринимал эту ситуацию?

– А никак. Илья – парень неплохой. Но до родителей ему дела не было. Не ругаются, значит, все «чики». Он парень хоть и не глупый, а инфантильный какой-то. Вон скоро тридцатник стукнет, взрослый мужик. А живет с родителями. И в городе с ними живет, хотя отец когда еще ему отдельную квартиру купил. Он сперва радовался, переезжать собирался. Ремонт там затеял, а потом как-то забыл, а сейчас спроси его, где эта квартира находится, так, наверное, и не вспомнит.

– А чего он так? Неужели ему нравится с родителями жить? – с искренним недоумением спросил Паша. Он бы что хочешь отдал за отдельную хату, хоть самую маленькую, но свою.

– А вот ему плохо? У родителей хоромы просторные, что здесь, что в городе. Прислуга. Все выстирают, уберут, накормят. Родители к нему не лезли, каждый собой занят. А то еще и денег подкинут. Чего не жить?

– Да, – завистливо вздохнул Паша.

– То-то.

– А кто, по-вашему, убил Юрия Маслова?

– Очень бы хотелось сказать, что Инна, – со вздохом проговорила Ольга Львовна. – Но, во-первых, она была в отъезде, а во-вторых, мне кажется, ей было проще развестись. Хотя... Лично я ее в аэропорт не провожала. Так что где она была последние дни, понятия не имею. Да и по поводу развода... кто их разберет, что у них там с Юрием за ситуация? Может, что-то поменялось, да я не в курсе. А еще у Юрия есть трое детей от первых браков. Все они, конечно, устроены и отношения с отцом поддерживают хорошие, но кто разберет, как оно на самом деле?

– А что за отношения вас связывают с Василием Пяткиным? – задал коварный вопрос Паша, решив, что с семейством Масловых ему и так все ясно.

– С Василием? – развеселилась Ольга Львовна. – Тоже Алина наболтала? Да ухаживает он за мной. Как полагаю, не без корысти. Я же невеста завидная. Квартира, машина, ее, кстати, мне Юрий подарил.

– Да ну?

– Представьте. «Фольксваген Поло». Очень удобно до работы добираться, и вообще.

– А давно?

– Год назад. Он мне много чего дарил. К Восьмому марта цепочку с подвеской, на день рождения тур в Испанию. Он не жадный был.

– И жена позволяла?

– Слушайте, я же вам объясняла, что ей все до лампочки, к тому же у нее свои увлечения. Поверьте, они семейному бюджету обходились не дешевле. А Василий – одинокий мужик, неустроенный, вот и подбивает клинья. Может, теперь и выйду за него, – пожала она плечами. – Он все же непьющий, хозяйственный, и вообще, чего на старости лет одной куковать? А может, еще и подумаю.

– Ладно, а что за тип у вас тут крутится, невысокий, в розовом пиджачке?

– А! Это Венчик. Вениамин Леонидович Маслов.

– Тоже родственник?

– Двоюродный племянник Юрия Кирилловича. Явился сюда из города Алапаевска. Как любил говаривать Юра, с «родины предков». Юрин дед был родом из Алапаевска, у него и сейчас там родня живет.

– А чем он занимается?

– Вообще-то, у него свой салон красоты где-то в центре города. Причем салон он открыл на пару с Инной, она вложилась, а он всем занимается. И вообще, они с Инной неразлейвода, то ли он у нее вроде подружки, то ли вроде штатного подпевалы. Не разберешь, но Илья его не любит.

– А покойный как к нему относился?

– Нормально. Да они и виделись-то редко. Нет, отношения у них были нормальные.

– Гм. А еще в доме какие-то «приближенные» есть? Ну, или близкие друзья, кто бы часто в доме бывал?

– Нет. Только Венчик.

Глава 6

Февраль 1920 года. Екатеринбург

– Вставай, Иван, твоя очередь, – растолкал Ваньку Филимон Сычов. – Давай слазь, не держи место. Ух, и холод сегодня, чуть руки не отморозил! – Он протиснулся поближе к буржуйке. – Иди давай, теперь ваша с Тимофеем очередь, он уж на улице ждет, а тебя, лешего, не добудишься.

Иван поднялся, натянул шинель, шапку и, прихватив у дверей винтовку, зябко ежась, выбрался на мороз. Мело сегодня знатно, холод пробирал до костей, снег лез в глаза и нос. Тимоха Дудников, прячась за углом от ветра, пытался раскурить самокрутку.

– Внутрь зайти! – крикнул ему Иван, глядя, как тот безуспешно пытается прикрыть огонек ладонями.

Иван поднял повыше воротник, поправил винтовку и, втянув голову в плечи, засунув руки поглубже в карманы, пошел вдоль путей.

Станция была товарная. Грузы через нее шли в основном военные, и охранение здесь было строгое. Отсидеться в такой морозище в дежурке и мечтать нечего. Разводящий с проверкой нагрянет или комиссар, и все, к стенке. В прошлый месяц под сорок ударило, ветер ледяной, пурга, ни зги не видно. Ну солдаты из охранения все как один и залезли погреться, кто, мол, в такую погоду на объект полезет. Ну и все. Комиссар Пермьяков тоже так подумал и не поленился, с проверкой нагрянул. Дальше, понятное дело, трибунал, «именем революции», и пишете письма.

Иван, дойдя до края платформы, принялся притоптывать ногами, стужа была будь здоров. Скорей бы уж весна, что ли. Весной можно было бы домой податься, в Алапаевск. Брат недавно письмо прислал, вроде как у них завод запустить грозятся. А что, дома-то все лучше, чем тут в бараке при станции. Из всех щелей дует, ни тебе маманиных щец, ни тебе чистой одежды, и баня хорошо, если раз в две недели, а то в городе дров не было, так, почитай, месяц не мылись.

Да-а. Полгода уже обретался Иван в охранении железной дороги. Почти с того самого дня, когда вышел из тюрьмы в конце июля, когда красные Екатеринбург взяли. Вышел на улицу, встал посреди дороги и заплакал, как баба.

Счастью своему не поверил, что живой вышел. А потом от неприкаянности. Куда идти, что делать, как жить? Неизвестно.

В тюрьму-то он загремел после того, как дорогой кум Евграф Никанорович его, дурака, напоил и ограбил, а самого чуть живого, с пробитой головой, на улицу выкинул. Там-то его патруль чешского корпуса и подобрал. Ух, и звери, хуже любого нашего душегуба! Ваньку когда схватили, он в полной бессознательности был, очухался уже в подвале. Большущий подвал, народу тьма. Сидят прямо на полу. Сперва задергался: где я? Что я? Не виноватый, выпустите! Да ему быстро соседи по подвалу объяснили: сиди помалкивай, авось дольше проживешь. Правильно объяснили. Ванька потом узнал, что половину народу, что в подвале сидели, просто на улице похватали и даже не объяснили за что. Были тут и купцы, и профессора, и бывшие чиновники, и бывшие студенты, и рабочие, и жулики, и еще незнамо кто. Иногда кого-то вызывали на допрос, а возвращали избитым, чуть живым, иногда не возвращали. Второе было страшнее, потому что, значит, расстреляли. Домой никого, насколько знал Ванька, не выпускали, если только родные не приходили хлопотать, ну так у Ваньки родных в Екатеринбурге не было. И вообще, не известно, вышел бы он из подвала этого или нет, кабы не Сергей Капустин, дружок его по несчастью, с которым они в подвале познакомились.

– Ох, где ж это я? А? – простонал Ванька, открывая глаза и шаря мутным взглядом по сводчатому серому потолку, которому и края не видно. В церкви, что ли? На отпевании? – мелькнула у него дурная мысль, видно, как следствие скверного самочувствия. Голову ломило так, что даже по сторонам смотреть было больно. Но насчет отпевания – это он глупость сморзил, раз больно, жив, значит. А больно почему? Ванька напрягся, сморщился и вспомнил, как кум Евграф Никанорович его по голове чем-то огрел. Подтянул руку, голову пощупал.

– Тише ты, не тронь, – улышал над ухом чей-то голос. – Рана у тебя там, я перевязал кое-как твоей рубахой. Авось заживет, только б не гноилась.

Ванька совершил еще одно усилие и перевел взгляд на сидящего рядом человека. Лицо худое, темное. Все щетиной заросло, а глаза светлые и вроде даже добрые.

– Где я? – прохрипел Иван пересохшими губами.

– В подвале, – со вздохом ответил незнакомец. – А точнее, в тюрьме. У белочехов.

– Пить хочется, – после недолгого молчания сообщил Ванька, не имея сил разобраться, как в тюрьму попал.

– Сейчас дам. Погоди, – пообещал новый знакомец и исчез. – На вот. – Приподняв Ванькину голову, поднес к его губам железную кружку. – Понемногу глотай, а то захлебнешься. Тебя как звать-то?

– Иван. Маслов.

– А меня Сергей.

Вот так и познакомились.

– Тебя, должно быть, на улице подобрали, – объяснял ему Сергей. – К нам бессознательного притащили, с пробитой головой. Тут такое случается. Хватают всех подряд, не разбирая. Вон, видишь, напротив в углу седой такой, с бакенбардами? – кивнул в сторону сидящего кулем на полу старикана Сергей. – Профессор Карл Иванович Шнейдер. Домой шел вечером с именин, вдруг кто-то из подворотни выскочил, ножик к горлу, деньги, говорит, давай. Профессор заголосил, а тут как раз патруль проезжал мимо. Бандит в подворотню нырнул, через забор перемахнул, а профессора за шкуру и сюда. Третий день сидит, даже на допрос ни разу не вызывали. На тебя тоже на улице напали или с друзьями по пьяни подрался?

– С друзьями, – с горечью ответил Иван, а потом носом шмыгнул да все доброму человеку и вывалил: – Из Алапаевска я. В Екатеринбург уехал, потому у нас работы нет, да и вообще. А тут моего брательника кум проживает, вот пришел к нему, попросился на постой. А он, гад, в чулан меня определил, даже хлеба куска пожалел. А на следующий день и вовсе выгнать хотел, а я, дурья башка, возьми у него и спроси, где тут у вас можно вещь одну продать? Денег-то нет. А от мамани вещица одна досталась. – На этот раз у Ивана рассказ сложился иначе. – Вот он и говорит, ладно, поживи еще денек, я все устрою, а вечером напоил меня, я уснул, а он давай по карманам шарить. Да только я сплю чутко! Проснулся, дал ему в зубы, он мне, я ему, и вроде уже моя брала. И тут он мне чем-то по голове как треснет, дух вон. Очнулся уже здесь. Думал, и вовсе помер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.